

Черный Баламут

Генри Олди

Сеть для Мировдержцев

«Автор»

1998

Олди Г. Л.

Сеть для Миродержцев / Г. Л. Олди — «Автор»,
1998 — (Черный Баламут)

Зарницы небесного оружия полыхают над Полем Куру, сжигая все живое, один за другим гибнут герои и простые бойцы – и даже боги – Миродержцы уже не в силах остановить эту бойню. Мир катится в пропасть, в райских садах объявляются демоны – ракшасы – а крушитель твердынь тем временем занят... изучением архивов столетней давности! Спасать рушащийся мир? Да! Но где находится источник сегодняшнего светопреставления? Может быть, история жизни Наставника Дроны, великого брахмана и великого воина, рожденного не от женщины, даст ответ на этот вопрос?

© Олди Г. Л., 1998

© Автор, 1998

Содержание

ПРОЛОГ	6
Книга первая	11
Зимний месяц Магха, 28-й день	12
Глава первая	13
Глава вторая	24
Глава третья	34
Глава четвертая	44
Книга вторая	57
Часть первая	58
Глава первая	58
Глава вторая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Генри Лайон Олди

Сеть для Миродержцев

Шудры занимаются услужением, вайиши живут ремеслом и торговлей, кишатри – убийством себе подобных; а брахманы избрали деревянную чашу, чтобы жить подаянием. Воин убивает воина, рыба пожирает рыбу, собака грызет собаку, и каждый блюдет свой закон. И в самом деле, о Кришна, вражда никогда не погашается враждою – поэтому не может быть устойчивого мира иначе, чем уничтожение противной стороны.

Махабхарата, Книга о Старании, Сказание о посольстве Господа, шлоки 47-65

И все-таки я, рискуя прослыть
Шутом, дурачком, паяцем,
И ночью и днем твержу об одном:
Не надо, люди, бояться!

Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь суммы,
Не бойтесь мора и глада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет:
– Я знаю, как надо!

Кто скажет:
– Идите, люди, за мной,
Я вас научу, как надо!

А. Галич

ПРОЛОГ

Ковш Семи Мудрецов накренился над вершиной Махендры – и звездная пыль щедро осыпала лучшую из гор.

Блестки старого серебра запутались в кронах вечнозеленых бакул и гималайских кедров, заставили озабоченно всхрипнуть антилоп в чаще, и иглы спешащего по своим делам дикобраза мигом превратились в диадему, достойную Серебряного Арджуны, сына Громовержца.

Правда, самому дикобразу это отнюдь не прибавило героического пыла – косолапо отбежав в тень кривой шелковицы, он долго пыхтел и косился по сторонам, после чего счел нелишним вернуться в теплый уют норы.

И тихий смех пролился из ковша следом за светом.

Небо жило своей обыденной жизнью: благодушествовала Семерка Мудрецов, бесконечно далекая от суеты Трехмирья, шевелил клешнями усатый Каркотака, багрово мерцал неистовый воитель Уголек, суля потерю скота и доброго имени всем, рожденным под его щитом; двурогий Сом-Месяц желтел и сох от чахотки, снедаемый проклятием ревнивого Словоблуда, и с тоской взирала на них обоих, на любовника и мужа, несчастная звезда со смешным именем Красна Девица...

Угасни все разом – что будет?!

Тьма?!

Преддверье рассвета?!

– Эра Мрака не заканчивается гибелью нашего мира, – внезапно прозвучало и поплыло над Махендрой в алмазных бликах. – Она ею начинается.

Небо замерло в изумлении. Станные слова, странный смысл, и голос тоже странный. Сухой и шершавый – таким голосом котлы чистить, вместо песка... Гибель? Нашего мира? Значит, и НАШЕГО тоже? Общего? Если бы темный полог мог помнить то, что помнило яркосинее полотнище, раскинутое от века над дневным простором... Станные слова не были бы для неба внове: оно уже слышало их на рассвете. Пропустив мимо ушей, или чем там оно слышит – день мало располагает к разговорам о гибели. Колесница Солнца ходко бежит по накатанной дороге в зенит, звеня золотыми гонгами, щебет птиц заставляет улыбнуться Заревого Аруну-возничего, и все десять сторон света покамест никуда не делись, трогай-щупай...

Ночь – совсем другое дело.

Ночное.

Какая-то особо любопытная звезда соколом метнулась вниз, вспыхнув на миг ярче брызг водопада в отрогах Гималаев. Разглядела в свете собственной гибели – вон они, люди. Двое. На поляне у небольшого костерка. И пламя ожесточенно плюется искрами, будто тщетно пытается избавиться от скверного привкуса тех самых слов...

Грозное мычание прозвучало снизу, и звезда умерла.

Но вслед за отчаянной подругой с высоты низринул целый поток сверкающих красавиц. И кручи Восточных Гхат расцвели фейерверком вспышек, заставляя одного из людей у костра прикрыть глаза козырьком ладони.

Жест был скорее машинальным, и сразу становилось ясным: человек защитил взор от чего-то, что крылось в его памяти и что сейчас напомнило ему массовое самоубийство детей неба.

Из-под навеса жесткой, мозолистой ладони, похожей на кусок коры векового платана, на мир смотрела адская бездна Тапана. Расплавленный мрак, пред которым ночная темень кажется светлым праздником; кипень черного пламени. И вмиг ожили, стали правдой древние истории о смертоносном взоре Змия-Узурпатора, который выпивал силу из живых существ, не делая разницы между богами, святыми подвижниками и мятежными гигантами-данавами.

Ладонь опустилась, оглажив по дороге костистый подбородок, и в ответ движению тихо проструилась вдоль костлявого хребта плеть седых волос. Туго заплетенная по обряду шиваитов, коса с тщательно распушенным кончиком сразу выдавала в человеке аскета-отшельника; да старик и не пытался скрывать этого. Ни косы, ни смоляного взгляда, ни боевой секиры, лежащей рядом – ничего он не скрывал, этот удивительный хозяин Махендры, чьи слова только что заставили трепетать небо! Пальцы с набухшими бочонками суставов истоиво затеребили кончик косы, другая же рука медленно опустилась на ледяной металл секиры и осталась там, словно пытаясь поделиться своим теплом с белым быком, выгравированным на лезвии.

И, услышав выкрик гибнущих звезд-лазутчиков, прищурилась Семерка Мудрецов, попятился назад Каркотака, зацепившись клешней за созвездие Кормилицы, а воитель Уголек каплей свежепролитой крови сполз поближе к равнодушному Месяцу.

Потому что у костра теребил косу Рама-с-Топором, живая легенда Трехмирья... Нет, иначе – смертная легенда Трехмирья, к которой Смерть-Морена в багряных одеждах забыла дорогу.

Или делала вид, что забыла.

– Гибель мира? – переспросил собеседник аскета и гулко откашлялся. – Ну ты и скажешь, тезка! Оглядысь: павлины буянят, звезды светят, комарье свирепствует чище сборщиков податей – где ж он, твой конец?! Начался, бедолага, только мы не заметили? А то, что война – так это у нас дело обыденное! Жаль, конечно, дурней, пока не выставят Поле Куру трупами в сто слоев, не уgomонятся... ну да ладно, зато остаточки потом разбегутся по бабам детишек строгать! Покойничкам куда-то перерождаться надо? Надо! Не всем же в крокодилов! Вот и засопит Великая Бхарата над супругами и любовницами...

Он расхохотался и хлестким ударом пришиб комара, опрометчиво севшего на волосатую грудь.

Окажись на месте нахала-комара матерый леопард, результат вышел бы примерно одинаковым.

Был собеседник аскета светловолос, в плечах широк неимоверно, одежду носил темно-синюю, с вышитыми поверх гирляндами полевых цветов – и, завидя его, любой человек, будь то пахарь или раджа, непременно пал бы на колени и вознес хвалу судьбе за счастливую встречу.

Ибо нечасто и немногим доводилось лично встречать Раму-Здоровяка по прозвищу Сохач, живое воплощение Вселенского Змея Шеша о тысяче голов, сводного брата самого Черного Баламута¹.

Правда, поговаривали, что Здоровяк изрядно опозорил род и честь, наотрез отказавшись принять участие в Великой Битве на Поле Куру – но заявить об этом прямо, в лицо, да еще в такое лицо...

Увольте, почтенные!

Уж лучше мы падем себе на колени да восхвалим, как должно...

– Смешной ты человек, Здоровяк! – после этого, мягко говоря, удивительного заявления, аскет бросил терзать свою косу и воззрился на плечистого тезку. – Интересно, как ты себе представляешь конец света? Ну, давай, поделись со скудоумным!

Комары кружились над отшельником, текли раздраженным звоном, но садиться не решились.

– Как? – Здоровяк замялся и подбросил в огонь охапку заготовленного впрок сушняка, пытаясь скрыть замешательство. – Ну, как все... это... значит, всплывает из океанских глубин Кобылья Пасть, огнем себе пышет, зараза, водица вокруг нее кипит...

Могучая холка его побагровела, словно Здоровяку на плечи взвалили твердь земную, голубые глаза затуманились, и во всем облике проступил душевный разлад.

¹ Черный Баламут – Кришна Джанардана (санскр.).

– Хана, короче! Всем и сразу! Ну чего ты привязался, тезка?! – дуракам ведь ясно...

– Ясно! – передразнил его аскет. – Дуракам-то ясно, всем и сразу! Раскинь умом, мудрец ты мой! – вот возьму я сейчас Топор-Подарок, пройдуся по тебе наискосочек... да не дергайся, это я так, к слову! Тебе от такого гостинца конец будет?

– Будет, – уверенно подтвердил Рама-Здоровяк, прозванный Сохачом за то, что в рукопашной схватке вместо булавы предпочитал использовать цельнометаллическую соху. – Ежели наискосочек, то непременно будет. А вот ежели я увернусь, да выдеру вон то деревце, да комельком тебя благословлю по темечку...

Аскет просто руками всплеснул: видимо, уж очень возмутила Раму-с-Топором неспособность Здоровяка рассуждать на отвлеченные темы.

Да и то сказать: топором наискосочек – это вам, уважаемые, не истинная природа Атмана-Безликого, тут диспутов не рассиропишь...

– Ох, тезка, лень тебе мозгами шевелить! Ну представь: вот тебе конец пришел, вот ты помер, вот я тебя на погребальном костре сжег... Представил? Гибель свою представил?

– Угу, – без особой уверенности кивнул Здоровяк, наморщив лоб. – Представил. Помер и горю. Потом сгорел.

Он вдруг просиял и широко улыбнулся, как человек, только что закончивший тяжелую изнурительную работу.

– Представил! – басистый вопль Здоровяка переполошил сонных попугаев в кронах деревьев, и вдалеке хором откликнулись шакалы. – Представил, тезка! Ух, как тебя вижу: горю я, значит, на костерке, пополам разрубленный, горю-горюю, а потом – рай, тезка! Апсары пляшут, медовухи реки разливаемые, гандхарвы-песнопевцы струны рвут, мою любимую «Яма Яме подвернулась» раза по три, без напоминаний...

– А дальше?

– Чего – дальше? А-а-а... ну, дальше отдохну я как следует, обожрись райским харчем под завязку, и на следующее воплощение! Брахманом буду! Ей-ей, брахманом...

Здоровяк угас так же внезапно, как и вспыхнул, после чего добавил глухим, совершенно чужим голосом:

– Чтоб не воевать. Не люблю я это дело, тезка... полвека на земле прожил, а так и не полюбил. Эх, беда – брахманы, и те воют! Вот ты, например, или там Наставник Дрона...

– Ну и где ж конец? – тихо спросил аскет, лаская стального быка, пасущегося на полулунном лугу секиры. – Гибель где, тезка?

Здоровяк не ответил.

Молчал, хмурился, сопел весенним носорогом.

– Выходит, что нету ее, – наконец пробормотал он. – Вроде есть – и вроде нету...

Аскет перегнулся вперед и потрепал силача по плечу.

– Вот так-то, тезка! Только не радуйся раньше времен. А то ведь можно и по-другому сказать: вроде нету ее, гибели – и вроде есть! Соображаешь?

Край неба на северо-западе резко вспух светло-лиловым нарывом. Спустя секунду горизонт прорвался осколками-бликами, брызгами кипящего гноя, залив ковш Семи Мудрецов до половины.

Натужный рокот донесся лишь через полторы минуты – и казалось, что Земля-Корова умирает в корчах, не в силах разродиться чудовищным двухголовым теленком, предвестником несчастий.

– Собачья моча! – выругался аскет самым страшным ругательством южан Скотьего Брода, ибо худшей скверны трудно было найти во всем Трехмирье. – Руку даю на отсечение, это же «Алая Тварь»! Куда боги смотрят?! – ее ж кроме как в Безначалье, нигде выпускать нельзя! Ох, Здоровяк, заварил твой братец кашу, как расхлебывать-то будем?

Не ответив, Здоровяк встал и с хрустом потянулся.

В ответах костра он казался существом из рода гигантов, вверженным в огонь геенны только за то, что имел неосторожность родиться с сурами-богами в одном роду, да не в одной семье.

– Братец? А мой ли он братец, тезка? Люблю я его, стервеца, с самого детства люблю, душу за него выну-растопчу, а иной раз и закрадется мыслишка: брат ли он мне?! Он черный, я белый, волосы у меня прямые да светлые, а у него, у Кришны-Баламута, смоль кучерявая; меня раздражить – дня не хватит, а он сухостоем вспыхивает... Матери у нас разные, отцы разные – где ж такие братья водятся?!

Рама-с-Топором удивленно воззрился на Раму-Здоровяка снизу вверх.

Так смотрят на слона, который ни с того ни сего заговорил по-человечески.

– Отцы разные? Матери? Что ты несешь, тезка?

– То и несу! Сидишь тут на своей Махендре, пень пнем, и ничего не слышишь, что вокруг тебя творится!

– Нет, ты погоди! Я все слышу, а чего не слышу, так тоже не беда! Всякому известно: ты седьмой сын, а Кришна – восьмой, тебя из материнского чрева боги вынули и в другое вложили, чтоб тебе в тюрьме не родиться...

Аскет осекся и вновь принялся теревить многострадальную косу.

– Старею, – заключил он после долгого молчания. – И впрямь – пень пнем... Помирать пора, зажился. Кругом ты прав, тезка: и отцы разные, и матери, а сказок я за жизнь по самое не могу наслушался. Прости.

«Прости, сынок...» – беззвучно прошептала несчастная звезда со смешным именем Красна Девица. И небесные жители отвернулись в смущении – мать Здоровяка, чье чрево якобы приняло чужой зародыш божественным соизволением, носила точно такое же смешное имя.

– Что уж тут прощать, тезка? Думаешь, легко числиться в братьях у того, на ком «зидется ход всех событий, ибо он – владыка живущих»?! Еще в колыбели: стоило Кришне зевнуть, как меня будили восторженные вопли няnek! Видите ли, в глотке у младенца обнаруживалась вся Вселенная с небесной твердью и просторами земными! А я с детства считался тупым увальнем, потому что видел лишь зевающий рот и ничего больше!..

Огромная ночная бабочка бестрепетно присела на руку к Здоровяку. Повела мохнатыми усиками, всплеснула крыльями, словно не одобряя шумного поведения своего нового насеста, и задремала, пригревшись. Очень осторожно силач опустил на прежнее место, положил руку с бабочкой на колени и долго глядел на цветастую страницу.

Усы топорщил.

Пышные – тысячу бабочек хватит осчастливить.

– Все его любят, Баламута, – еле слышно прогудел он, забыв о собеседнике и разговаривая больше сам с собой. – Бабы – табунами, мужики слоновье дерьмо жрать готовы, лишь бы он ласковое слово им бросил! Там, на Поле Куру: ведьдохнут же, глотки рвут, друг дружку лютой ненавистью... а его – любят! Пальцем не трогают! А я, тезка, я его больше всех люблю... Люблю, а вот драться плечом к плечу – не пошел. Это, наверное, потому, что драться я умею хорошо, а любить – плохо. Как полагаешь?

Жесткая ладонь аскета легла на запястье примолкшего Здоровяка, и бабочка зашевелилась – не сменить ли насест?

Нет, решила, что от добра добра не ищут.

– Он любил хватать телят за хвосты и дергать, – нараспев произнес Рама-с-Топором, подмигнув мрачному брату Черного Баламута, – пить тайком из сосудов свежесбитое масло и делиться с обезьянами украденной пищей. Когда женщины доили коров, он пробирался в их дома, пугал малых ребятишек, пробивал дырки в горшках со сметаной и только смеялся, когда ему выговаривали за проступки...

– Да, тетка, все было именно так, – силач кивнул, не поднимая взгляда. – Храмовые писцы не соврали. Ни на ману². И даже когда Канса-Ирод, местный царек, велел перебить всех десятидневных младенцев в окрестностях Матхуры, надеясь в числе прочих истребить новорожденного Баламута – матери убитых желали Ироду адских мук, а Кришне простили и это. Кого другого проклинали бы на веки вечные; а ему простили. И эту Великую Битву тоже простят.

Ковш Семи Мудрецов скользнул ниже. Махендра, лучшая из гор, почему-то замолчала, а мудрецы, отличаясь любопытством, не отличались терпеливостью.

Бабочка сорвалась с руки Здравяка и устремилась в небо. Жизнь пестрой летуньи была столь коротка, что преступно растрачивать драгоценные мгновенья на долгие разговоры; а на долгое молчанье – вдвое преступней.

«Простят?» – спрашивали Семеро Мудрецов, сверкая сединами.

«Простят?!» – пятась назад, изумленно скрипел усатый Каркотака.

«Простят...» – посмеивался воитель Уголек, оправляя одежды цвета смерти.

Сома-Месяц не вмешивался.

Он умирал, чтобы родиться вновь.

* * *

Два тезки сидели у костра: Рама-Здравяк по прозвищу Сохач, брат Черного Баламута, и Рама-с-Топором, сын Пламенного Джамада.

На благородном языке: Баларама Халаюдха и Парашурама Джамадагнья.

Двое трусов, уклонившихся от Великой Битвы.

И вокруг них беззвучно завершался двадцать седьмой день зимнего месяца Магха. День гибели мира, день начала Эры Мрака; день, который ох как не скоро назовут восемнадцатым февраля.

Самоуверенно добавив: восемнадцатое февраля три тысячи сто второго года до нашей эры – как будто Эра Мрака может делиться на нашу и чужую.

Двое мужчин сидели с закрытыми глазами и видели одно и то же. Поле Куру, тишина, и в ночной прохладе меж трупами людей, слонов и лошадей бродит чернокожий красавец, улыбаясь невинной улыбкой ребенка.

Вот он поднимает голову, вот гигантская крылатая тень перечеркивает небо над полем брани...

И звезды тускнеют в испуге.

² Мана – мера веса, 0,5 г. Применяется обычно в ювелирном деле.

**Книга первая
ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ
ПО ПРОЗВИЩУ
ВЛАДЫКА ТРИДЦАТИ ТРЕХ**

Бали сказал:

– В стычках премудрые боги мною были разбиты,

Я швырял многократно горы с лесами и водопадами,

Вершины, скалы я разбивал о твою голову в схватке!

Но что же могу поделать? Трудно осилить время.

Разве тебя, с твоим перуном, мне кулаком убить не под силу?

Но теперь не время отваге, время терпенью настало!

Махабхарата, Книга о Спасении, шлоки 370-374

Зимний месяц Магха, 28-й день БЕСПУТСТВО НАРОДА

В течение длительного времени, вставая неизменно по утрам, мы создавали это превосходное сказание с целью сделать благодеяние миру...

Глава первая РАЙСКИЕ ДЕМОНЫ

1

Крылатая тень наискось перечеркнула небо над Полем Куру, на миг размазалась туманной свастикой и устремилась ввысь, почти сразу исчезнув из виду.

Воздушные пути сиддхов покорней запуганного пса стелились навстречу Гаруде-Проглоту, Лучшему из пернатых, виляя белопенными хвостами; и летучие колесницы полубогов расторопно спешили убраться с дороги, не дожидаясь, пока их сметет яростный ураган. А потом возникшие еще долго смотрели через плечо вослед орлу-исполину и изумленно хмыкали: Гаруда сегодня летел гораздо медленней обычного. Да и наездник его меньше всего походил на Вишну-Опекуна, коему полагалось восседать на Проглоте.

Меня абсолютно не занимали косые взгляды и дурацкое хмыканье с обочины.

Пусть их.

Дрема текла по векам расплавленным свинцом. Тело само собой зарывалось все глубже в теплый пух, сон-нянька обкладывал меня подушками, взбитыми ласковой рукой; и легконогие виденья хороводом бродили вокруг расслабленного Громовержца, словно апсары в ожидании выбора.

Ушедший в небытие день, со всеми его заботами и злключениями, казался марой, туманной дымкой над озером, жить которой – до рассветного ветерка.

Чужак во мне ворочался, отказываясь соглашаться с радужными надеждами, но и он не мог сейчас меня всерьез потревожить.

Я чувствовал себя легко и спокойно, как зародыш в яйце, в Золотом Яйце на заре творения мира, и мне не нужно было видеть, чтобы знать и чувствовать. Вон она, сверкает под звездами, обвитая спиралью нашего полета – славная гора Меру, незыблемая ось Трехмирья, похожая на цветок лотоса или скорее на сложной формы вертел, которым проткнули насквозь три куска оленины и поместили в печь... Хороша печурка! – внешняя оболочка окружена водой, чья толщина десятикратно превосходит диаметр Второго мира, вода в свою очередь окружена огнем, огонь – воздухом, воздух – разумом, разум – источником всего сущего, а источник всего сущего – Высшим принципом.

Запомнили?

А теперь повторите без запинки.

Как там говаривал Словоблуд, когда излагал Индре-недорослю всю эту дребедень? А-а, вспомнил... «Умножить, мальчик мой, можно все на все! Вечность на вечность? Сколько угодно! Получится вечность вечностей! Свихнуться можно от счастья...»

И я искренне полагал тогда, что Словоблуд действительно умножил все на все, после чего свихнулся.

От счастья.

Странное, полузабытое, наивно-детское ощущение всплыло в глубине души. Словно я вновь стал ребенком, которого еще никто и никогда не величал Громовержцем и уж тем паче Владыкой; я маленький, я усталый, и мама Адити-Безграничность сидит у изголовья, тихо мурлыча колыбельную без слов и смысла, насквозь пронизанную материнским теплом... теплом, в котором нет ни капли от Жара-тапаса аскезы или от безудержного полыханья перуна...

Или от огненной пасти, явившейся в Безначалье трем Миродержцам из восьми; пасти, видение которой превращало Витязя-Арджуну, моего сына, в дрожащего ублюдка.

Мама, спой мне колыбельную.

Мама, я устал быть Индрой.

Мама...

– Мама моя родная! Совсем забыл!

Клекот Гаруды вышвырнул меня из уютной дремы, и я завертел головой, спросонья ища... врага? хор гандхарвов? Брихаса с утренним докладом?!

Тьфу ты пропасть!

– Что случилось, друг мой? Твои драгоценные перья намокли от ночной сырости? Твой желудок, да не опустеет он вовеки, настоятельно потребовал насыщения? В чем дело?!

Никаких других причин, способных серьезно взволновать Лучшего из пернатых, я придумать не мог.

Гаруда повернул ко мне голову, дыбом встопорщив шейные перья, и сверкнул черной бусиной глаза. В глазе отражался я, и отражение мне не понравилось. Беспокойное какое-то отражение, встрепанное... или это просто глаз птички слезится от ветра?

– Увы, друг мой Индра, есть в Трехмирье вещи и поважнее моего пустого желудка! Гораздо важнее!

Я чуть не свалился вниз. Огненные пасти в Безначалье или потеря силы Громовержцем – что они в сравнении с подобным заявлением?! Дхик³! Хвост от дохлого осла! А я-то думал, что после вчерашней свистопляски разучился удивляться...

– Смею ли я надеяться, о крылатый друг мой, – от волнения я и сам не заметил, как заговорил в Словоблудовой манере, – что мне доведется услышать рассказ о твоих заботах?

И уже после первых слов птицебога, чей клекот с легкостью перекрывал свист ветра в ушах, стало ясным: «сегодня» грозит быть достойным преемником «вчера».

2

...это началось лет семьдесят-восемьдесят тому назад – точнее Гаруда не помнил.

Забредя под вечер на южную окраину Вайкунтхи, личного имения Вишну-Опекуна, где Гаруда чувствовал себя полноправным хозяином, Лучший из пернатых был остановлен хриплым рыком:

– Стой, жевать буду!

Восприняв выкрик как личное оскорбление – жевать без Гаруды?! – гордый птицебог и не подумал остановиться. Даже обыденный малый облик не потрудился сменить. Мало ли, всякие твари глотку драть станут, а мы всех слушайся? Мы и сами горазды... стой, клевать буду!

И глотать.

Обогнув решетчатую ограду, которой он раньше здесь вроде бы не замечал, Гаруда клюв к носу столкнулся с такой гнусной образиной, что на миг забыл, где находится. А когда вспомнил – взъерошил перья и еле удержался, чтобы не начать властным крылом наводить порядок.

Вайкунтха изобиловала смиренными праведниками и царственными мудрецами, девицами из свиты Лакшми, богини счастья, и свитскими полубогами самого хозяина Вишну – но...

Вот именно что «но»!

– Ты кто такой? – строго поинтересовался птицебог у гогочущей образины.

³ Дхик – «Тьфу!» (санскр.).

– Праведники мы, – гнусаво хрюкнули в ответ и после некоторой паузы добавили. – Смирные. Чего вылупился, индюк? Ом мани!

Священный возглас походил больше на нечто среднее между «обманом» и «обменом».

– А почему у тебя такие большие зубы? – будучи при исполнении, Гаруда решил покамест проглотить «индюка».

До поры.

– А чтоб топленое маслице котлами лопать! – образина оказалась бойкой на язык.

– А почему у тебя такие большие когти?

– А чтоб четки бойчей перебирались! – не сдавался наглец, демонстративно почесывая когтем лохматое брюхо. – Мы это... мы молились, мы молились, не мычали, не телились... эй, индюк, напомни – как дальше?!

Похабную песенку, которую затянула образина, Гаруда однажды имел удовольствие слышать – пролетая над ночным кладбищем, где пировала удалая компания пишачей.

И допустить подобное безобразие у себя в Вайкунтхе никак не мог.

В запале приняв свой истинный облик... Впрочем, птицебогу почти сразу пришлось уменьшиться вшестеро, иначе он вынужден был бы гоняться за нахалом, как слон за мышью. К счастью, образина напроочь обалдела от такого поворота событий и даже не попыталась сбежать. Разве что вякнула нечленораздельно, когда могучий клюв ухватил хама за шкуру, словно напроказившего котенка, и налитые кровью глазищи образины плотно зажмурились.

Высоты боялся, праведник.

«Я тебе покажу индюка! – злорадствовал Гаруда, взлетая так быстро, как только мог, и потряхивая для остротки скукоженного пленника. – Жевать он, видите ли, будет, скотина! Масло топленое лопать! Смолы тебе, пакостнику, а не масла!»

И лишь вылетая за пределы Вайкунтхи, птицебогу пришлось в его клювастую голову: подобной мерзости просто по определению не могло быть в райской обители Вишну-Опекуна!

Даже на окраине.

Но увесистая ноша, что кулем болталась в мертвой хватке Лучшего из пернатых, мало походила на иллюзию.

И пахла скверно.

Гаруда вздохнул, едва не выронив образину, заложил крутой вираж и взял курс на дворец Вишну.

Когда золотые купола и остроконечные башенки Опекунской обители замаячили на горизонте, а внизу начались тенистые рощи с павильонами – Гаруде вдруг показалось, что он несет не праведника-самозванца, а по меньшей мере белого быка Шивы.

Через секунду бык Шивы превратился в слона-Земледержца, любого из четырех по выбору, слон – в благословенную гору Мандару, служившую мутовкой при пахтании океана; и клюв Лучшего из пернатых разжался сам собой.

Подхватить пленника на лету не удалось, и бедолага свалился прямиком в хитросплетение ветвей акации. Надо заметить, единственной акации на обозримом пространстве. Старой и на редкость колючей. Спикировав вниз, Гаруда вцепился когтями в густую шерсть на загривке и поясице образины, поднатужился и принялся выдирать стенающую жертву из шипастых объятий.

Выдрал.

Набрал высоту.

И даже трижды успел ударить крыльями.

Насмерть перепуганный пленник вдруг сделался скорбен животом, словно некий доброхот прошелся на его счет «Пишачем-Весельчаком»; жуткая вонь заставила небеса вопиять – и Гаруду стошнило впервые за всю его долгую жизнь.

Лучший из пернатых даже представить себе не мог, что такое бывает – извергнуть съеденное.

Воображение отказывало.

На этот раз невезучий самозванец в туче нечистот и блевотины шлепнулся в открытый бассейн. Умудрившись при этом до основания снести выступающий над водой балкончик и изрядно ободраться о керамическую облицовку бортика.

Казалось, он задался целью явить собой пример: что означает «спустить семь шкур».

Гаруда извлек его, полузадохшегося и перхающего сизыми пузырями, разложил для просушки на злополучном бортике, и задумался.

Умереть в Вайкунтхе – это надо было обладать той еще удачей; но что-то подсказывало птицебогу – живьем он добычу до дворца не донесет.

Рядом с бассейном предавался благочестивым размышлениям плешивый старик с тощими ручками-ножками и округлым брюшком; по всему видать, великий мудрец и праведник. Явление с небес сперва мохнатого крикуна, а затем Лучшего из пернатых, отвлекло старца от бормотания мантр – и он сперва бочком подобрался ближе, а там и решил завести беседу.

Мудростью поделиться.

– И рад бы ракшас в рай, да грахи⁴ не пускают! – приятно улыбаясь и слегка картавя, сообщил мудрец. – Нет, сынок, живым не дотянешь...

– Сам знаю, – буркнул Гаруда, ищась клювом под мышками; и язвительно добавил:

– Папаша...

Он очень не любил, когда кто-то угадывал его мысли.

Наверное, потому, что это случалось чаще, чем Гаруде хотелось бы.

Слова мудреца медленно проникали под своды птичьего черепа (видимо, из-за картавости старца), располагались поуютнее, становились своими, родными...

«Ракшас! – осенило птицебога. – Точно, ракшас! Как же я сам-то...»

И почти сразу, молотом вдогонку озарению:

– Ракшас в Вайкунтхе?!

– Нет, не донесешь, – разлагольствовал меж тем словоохотливый мудрец, игнорируя как шумные страдания ракшаса, так и разброд в душе Гаруды. – Жару не хватит...

– У меня? – возмутился птицебог. – Да я... всю Землю...

– На одном крыле, – мелко закивал мудрец, ибо прекрасно знал любимую присказку Лучшего из пернатых. – Ты вот что, сынок: не ерепешься, оставляй бедолажку тут, пушай подсохнет, оправится... Ишь, умаял ты его!

– Не сдохнет? – озабоченно поинтересовался Гаруда.

– Не должен, вроде... Я с ним малость поделюсь от доброты душевной, поддам Жарку-то (мудрец выражался замысловато, но Гаруде сейчас было не до умственных завитушек)! А ты, сынок, мотай по своим делам-делишкам, куда тебе надобно... Только вертайся быстрее, слышь?! – у меня тапас не казенный, тяжким трудом нажитый, надолго не хватит! Договорились?

По хитренькой физиономии мудреца ясно читалось, что дело тут отнюдь не в доброте душевной, а в суетном желании повыспрашивать свежую душу о последних сплетнях.

В своем умении разговорить кого угодно, пусть даже и ракшаса-мученика, старец не сомневался.

Гаруда поблагодарил плешивца и, оставив полумертвого пленника на попечение мудреца, вновь стал набирать высоту.

⁴ Грахи – «напасти», «грехи», злые мелкие твари, сбивающие всех с правильного пути.

К счастью, в те годы у Вишну-Опекуна на Земле была всего одна серьезная аватара – Черный Островитянин, урод-гений – и поэтому, задав хозяину вопрос, Гаруда всерьез рассчитывал получить ответ.

3

– И ты представляешь, друг мой Индра, что мне ответил Вишну?

– Похвалил за бдительность? – предположил я.

Увлечшись рассказом, Гаруда перешел на спокойное планирование в восходящих потоках, и мы с нашим орлом парили сейчас как раз между Миром Покаяния и Миром Вечной Истины.

Что, согласитесь, символично.

– Ничего подобного! Сперва отругал, как голозадного птенца, что сую клюв не в свои дела! Потом строго-настрого запретил таскать незнакомые существа туда-сюда по Вайкунтхе! Потом принялся выпрашивать, как и почему я не сумел дотащить мохнатого обормота до Опекунского дворца... три раза заставил повторить, в подробностях! Ты думаешь, друг мой Индра, мне приятно было всю эту гадость вспоминать-рассказывать, да еще и трижды?!

Забывшись, Гаруда резко повел правым крылом, и мы сильно сместились к Миру Покаяния.

Что тоже было символично.

– И лишь после, друг мой Индра, хлебнув амриты и успокоившись, Опекун соизволил объясниться! Оказывается, Вишну взбрело в голову воздвигнуть на окраине своего имения какой-то совершенно особенный храм! С особенными брахманами! С особенными службами! Со всем особенным-разособенным! И что самое главное – с ОХРАНОЙ!!!

– Что?!

– Да-да, именно с охраной! И вот этот пакостный ракшас-грубиян, эта образина, говорившая со мной в неопозволительном тоне – он, видите ли, и есть первая ласточка будущей охраны! Представляешь?!

Я честно попытался представить.

И – ничего.

В смысле, ничего не вышло.

Тогда я попытался представить по-другому, примерив услышанное на себя. Ну, допустим, стукнуло мне в голову основать на окраине Обители Тридцати Трех храм. Особенный храм. Особенней не бывает. Ну, собрал я туда праведников, добавил мудрецов по вкусу, щепотку младших брахманов, вскипятил на Жару... А охранять-то зачем? От кого?!

Если я не в силах сохранить неприкосновенность всей Обители, то, во-первых, гнилой из меня Индра и медяк цена моим дружинникам-Марутам, головорезам облаков; а во-вторых, тогда уж и храм пропадай – не жалко!

А если мне боязно, что в храм проникнет кто-то из своих – например, Словоблуд (хотя какого бхута ему это сдалось, да еще тайком?!) – то надо быть умалишенным, чтобы ставить вокруг охрану из ракшасов!

И вообще: ракшасы в раю?!

Райские демоны?!

– ...толпа, друг мой Индра! – прервал мои размышления клекот Гаруды. – Клянусь раковиной Опекуна, целую толпу набрал! Один другого поганей! Хорошо хоть, дальше окраины не лезут...

– Хорошо, – машинально поддакнул я, по-прежнему находясь в раздумьях относительно странностей нашего маленького Упендры с его храмами-охранами.

С размаху влетев в чужую жизнь, в полвека существования Гангеи Грозного, я твердо усвоил: братец Вишну иногда делает глупости, но он ничего не делает просто так.

– Что тут хорошего?! – возмутился непоследовательный Гаруда, чуть в запале не скинув меня со спины. – Что хорошего, я спрашиваю! Вонь до самой Дхрувы, ор до самой Нараки⁵; о беспорядках я вообще не говорю! Охраннички! Бездельничают, сквернословят, да еще и молочко-сметанка им, видите ли, не нравится! Представляешь, друг мой Индра – мяса требуют! С кровью! Слабопрожаренного!

Я заставил-таки себя сосредоточиться и через минуту уже был в курсе забот Лучшего из пернатых.

Оказывается, охраннички-буяны в последнее время стали переборчивы в пище. Старые привычки взяли свое, и ракшасы дружно потребовали мяса. Заявив, что из-за покладистости и пресловутой «доброты душевной» не будут настаивать на человечине. Можно говядину. Что? Святотатство?! Посвягательство на лучшее из животных?! Ну знаете, на вас не угодишь, человечинку нельзя, говядинки – шиш допросишься... Рыбки? Постненького карпика?! Сами ее жрите, рыбку вашу, у нас от нее понос, золотуха и линька на неделю раньше начинается! А ты, дылда крылатая, не смей клювом, не смей, а то мы тебе... и Опекуну наябедничаем.

Вот.

Вчера вечером, за ужином, этот спор достиг своего апогея. И сегодня на рассвете, перед доставкой завтрака, Гаруда как раз собирался явиться лично и проследить, дабы молочные продукты были употреблены по назначению. Даже если ему придется силой запихивать добро в глотки строптивых охранников.

А тут – Индра зовет...

Не требовалось объяснений, чтобы понять: если мы сейчас продолжим путь к Обители Тридцати Трех, то в Вайкунтху Гаруда успеет в лучшем случае к обеду.

Лишившись удовольствия принудительной кормежки.

Особенно при учете полной безнаказанности самого Гаруды – братец Вишну, расчленившись сознанием между тремя аватарами и самим собой, был практически невменяем, а значит, безопасен.

Выкинуть охрану из имения Лучший из пернатых все же не решался, зато вразумить... Мы всю Землю, понимаешь, на одном крыле – а тут какие-то пакостники!..

– Поворачивай! – решившись, скомандовал я. – Давай, друг мой, не мнись, шевели крыльшками!

– В Обитель? – не понял Гаруда. – Эх, дела делами, а дружба дороже!

– Вот именно, что дороже! Помнишь, приятель: ты задолжал мне один завтрак?! Гони в Вайкунтху, должок возвращать! Заодно и с буянами твоими разберемся.

– Индра! – просиял Лучший из пернатых, закладывая такой вираж, что у меня дух захватило. – Владыка! Век не забуду! Ох, и позавтракаем... небу жарко станет!

И гигантский орел пошел пластать небесные пути сиддхов крупными ломтями.

Я сидел у него на спине, зарывшись в пух до подбородка, улыбался про себя и думал, что сегодня мне повезло.

Иначе я никогда не смог бы проникнуть в имение братца Вишну, не привлекая к себе внимания.

⁵ Дхрува – Полярная Звезда; Нарака – адская полость в Земле.

4

- Братва! За что кровь проливали?! За сметану их клятую?!
- Ниче! Были кровь с молоком, а пройдуся кулаком – молоко с кровью, пейте на здоровье!
- Сами, небось, ягнят трескают! С подливкой! С грибочками! С перепелиными сердчишками! С этими... как их...
- Не трави душу! Тело сдохло, одна душа осталась – не трави, говорю!
- Пошли, пустим красного фазана!
- Верно! Назвался Опекуном – опекай! Или мы сами... миром навалимся...
- Сами!
- Братва! Не могу молчать!..
- Эхма! Где наша не пропадала?! В раю – краем, в аду – пропадом!..

Поначалу я наблюдал за всем этим столпотворением со стороны. Еще на подлете мне стоило больших трудов уломать Гаруду не соваться сразу в драку, а уменьшиться и обождать за дальними тумбами из гранита-слюдянца. На которых чинно восседали изваяния пяти бессмертных аватар брата Вишну: Рыба, Черепаха, Вепрь, Человеколев и Карлик.

За Карликом опять торчала лупоглазая рыба морда с рогом посередине лба – и так по кругу.

Я надеялся, что в компании статуй любопытный клюв Проглота, даже торча между пятачком Вепря и грандиозным лингамом Карлика, сойдет незамеченным.

Верней, не «даже», а именно поэтому.

Сразу за тумбами-постаменами начиналась решетчатая ограда, о которой упоминал Лучший из пернатых, а в кольце решеток возвышались здания, чей вид мигом напомнил мне «Канон Зодчих».

Земной, где утверждалось: «Частные жилища и строения могут иметь от одного до девяти этажей, в зависимости от общественного положения владельца; но здания с одинаковым числом этажей должны непременно быть одинаковой высоты и без излишеств в украшательстве».

Три строения за оградой были братьями-близнецами: пятиэтажные, хмуро-серые, без малейшего намека не то что на излишества, но и вообще на попытку «украшательства». А посему на храм, пусть даже особенный, походили не более, чем Индра на Упендру.

Скука – единственное, что возникало при взгляде на сей выкидыш зодчества.

Зато снаружи решеток скукой и не пахло. Пахло бунтом и близким побоищем. Полторы дюжины матерых ракшасов всю драли глотки, изощряясь в проклятиях и ненависти к святой пище. Косматые морды щерились частоколом клыков-желтяков, молоты кулачищ гулко лупили в бочонки грудей, а один буян – клювастый и подозрительно смахивающий на Лучшего из пернатых – уже опрокидывал котлы с топленным маслом, озираясь в поисках факела.

Кроме ракшасов, поблизости никого видно не было. Ах да, исключая обеспамятевшего полубожка в фартуке поверх нарядных одеяний – несчастный валялся у ограды, забытый всеми. Как я понял, прочие доблестные слуги Опекуна, доставив пищу, поспешили убраться восвояси.

Чтобы предвидеть будущее, им не надо было родиться ясновидцами.

Я вздохнул, оглядел себя с ног до головы, оценил безобидность облика и двинулся к эпицентру беспорядков.

Мое появление фурора не произвело. Сперва никто вообще не заметил, что на сцене появилось новое действующее лицо. Я просочился поближе к злополучным котлам, втайне

морщась от резкого звериного духа и пронзительных воплей, потом взял упавшую с перевернутого блюда булочку, отряхнул грязь и принялся меланхолично жевать.

Ударь я молнией в центр столпотворения – это не произвело бы большего впечатления. Тишина.

Только сопение и сиплый кашель одного из крикунов.

Проходит минута, другая...

– Ты кто такой? – каркают за спиной.

Это Гаруда-двойник. То ли самый сообразительный, то ли просто в зобу дыхание сперло, а потом выбросило наружу вместе с вопросом.

– Охранник, – отвечаю, давась булочкой и старательно изображая наслаждение.

– Новенький?

– Старенький. Такой старенький, что и помереть успел. А тебе что, ворона?

Наглость производит впечатление. Вместо того, чтобы вцепиться в меня со всех когтей, клювастый ухмыляется почти добродушно и косится на толпу смешливым глазом.

– Я – ворона? – хрипло смеется он. – Я, значит, ворона, а этот булкоед, значит, честный ракшас?

– Ракшас, – подтверждаю я, приканчивая булочку и украдкой вздыхая с облегчением. – Потомственный. Ослеп, что ли?! Молочком промыть глазки?!

Толпа расступается, и вперед выходит... м-да, а я-то думал, что женской красотой меня удивить трудно. Выходит, ошибался. И только потом я соображаю, что такая краля среди мохнатых сорвиголов смотрится по меньшей мере неуместно.

Если только она не сменила облик минуту назад.

– Как тебя звать, красавчик? – голос у крали низкий, грудной, и все ракшасы, как по команде, дружно облизываются и хмыкают.

– Айндруша⁶, – ничего лучшего мне в голову не приходит. – А тебя, крошка?

– Путана, – отвечает она, подмигивая. – Ты к нам надолго, а?

Я киваю, пораженный внезапной догадкой. Имя Путана говорит мне о многом. Так звали знаменитую ракшицу из доверенной челяди Кансы-Ирода – стерва пыталась в свое время погубить Кришну-младенца, намазав сосок ядом и взявшись покормить дитя грудью.

Если верить слухам, Черный Баламут высосал кормилицу-убийцу досуха, вынудив перед смертью принять истинный облик.

Вспомнив заодно некоторые подробности этого истинного облика – например, глубокие, как пещеры, ноздри носа или ягодицы, подобные береговым кручам – я втайне радуюсь тому, что вижу.

И недоумеваю: убитая при попытке покушения на аватару братца Вишну – что она делает здесь?!

Клювастый ракшас нервно пританцовывает на месте, оставляя на дерне тройные борозды, и наконец не выдерживает.

– Да на кой тебе этот молокосос, Путана! Присылают кого ни попадя...

– А может, я за него замуж пойду, – Путана медленно проводит алым язычком по влажной мякоти рта. – Вот молочка попою и пойду. Возьмешь, красавчик?

– А я? – как-то совсем невпопад интересуется клювастый, и тон его мне не нравится. – Я-то как же?!

– У тебя женилка в пупырышках, – однозначно разъясняет Путана, обеими руками приподымая пышную грудь. – Я бесстыжая, меня от пупырышек смех разбирает... Дошло?

⁶ Айндруша – сложное имя из двух частей, означающее «Смертный сын Индры». На санскрите в отчествах "И" меняется на «Ай» (сын Вивасвата – Вайвасват, сын Иравата – Айравата, и т. п.). Окончание «Руша» происходит от «пуруша», т. е. «смертный человек».

Было видно, что до клювастого дошло, дошло окончательно и бесповоротно. Он давится карканьем и, нахохлившись, начинает обходить меня по кругу.

Остальные ракшасы, забыв о молоке насущном, возбужденно переговариваются и ждут продолжения.

Но их надеждам не суждено оправдаться.

Я мысленно проклиная всех женщин Трехмирья – ну не драться же мне с этим ревнивцем?! – и миролюбиво развожу руками. Иначе сейчас он попытается меня клюнуть, и я потеряю всякую возможность присмотреться поближе к странной охране странного храма нашего странного брата Вишну.

– Уймись, герой! – клювастый с готовностью останавливается, и я начинаю понимать, что храбростью он не блещет. – Чего нам делить?!

– Действительно, – двусмысленно поддакивает Путана, оглядывая меня с ног до головы. – Делить нам нечего... перышки-пупырышки...

– А насчет молока я вам вот чего скажу! – я подзываю клювастого поближе, и он подходит, но не один, а в компании со здоровенным ублюдком, похожим на дикого осла. – Тут, пока я сюда шел...

Сходство клювастого с Гарудой толкает меня на сомнительный шаг – но иначе мне не втереться в доверие.

И я шепчу клювастому и ослу пару слов.

После чего осел разражается восторженным воплем, а я понимаю, что осел – не он, а я.

– Братва! – голосит длинноухий. – Он знает, где Гарудина заначка! Айда, грабанем!

Оглушительный клекот гремит в ответ над Вайкунтхой. Я затыкаю уши и стремглав кидаюсь под защиту решеток, понимая, что провалил всю затею. Все-таки дело Индры – ваджра да гроза, а выведывать и притворяться мы не обучены... Пока я предаюсь самоуничтожению, вокруг перевернутых котлов мечется смерч, из которого временами вылетают исцарапанные и всклокоченные ракшасы, чтобы пропахать носом землю и через мгновение снова быть вовлеченными в ураган по имени Гаруда.

Выкрик осла подействовал на Лучшего из пернатых, как красный штандарт Ямы – на белого быка Шивы.

Полагаю, благословенная Вайкунтха такое видит впервые; в отличие от меня, но я-то в свое время принимал участие... И потому отлично знаю, что за радость – потасовка с участием Гаруды.

Даже пустячная.

Я знаю, я смотрю, и багровая пелена стыда мало-помалу застилает мне взор.

Индра слепнет.

* * *

Фарс.

Дешевый низкопробный фарс, на потеху случайному зеваке, как и полагается, с колодушками и тумками из-за дурацких булочек с маслом. Когда-то мне довелось видеть подобное зрелище, в балагане на площади Матхуры: шут-горбун препирался с юридическим по поводу украденного горшка со сладостями, и все закончилось согласно традиции.

Оплеухой.

И я, доморощенный вибхишака⁷, возомнив себя потрясателем сердец, без спросу полез на подмостки? Не доучив роли, собравшись импровизировать без смысла и понимания, даже не потрудившись натянуть подходящую случаю личину – дурак! Чего я, собственно, ждал?! Что толпа ракшасов, ошалев от безделья и собственной отваги, кинется на шею Индре, умнику и красавцу, растечется слюнями и мигом выложит все сокровенные тайны брата Вишну?!

Словоблуд говорил, что я взрослою... Ты ошибся, наивный мудрец, мой родовой жрец-наставник, ты принял желаемое за действительное! Взрослый Индра никому не нужен, потому что... потому!

Молнии мечут, не достигнув зрелости, ибо иначе предчувствие последствий сделает громовую ваджру бессильней детской погремущки.

Говорят, искусство театра было создано на небесах (кем?!), в качестве Пятой Веды, Нового Откровения, доступного даже низшим сословиям. Но актеры возгордились, самонадеянно став высмеивать брахманов – и проклятие последних обрело лицедеев на вечное презрение общества.

Кошунственная мысль перуном ударяет в мозг: мы, боги-суры, Локапалы-Миродержцы, со всеми нашими громами и Преисподней – как же мы мелки на подмостках Трехмирья в сравнении с тем же Гангеей Грозным! Мы притворяемся, когда он колеблется, мы лицемерим, когда он страдает, мы паясничаем, когда он рвет судьбу в клочья; мы задерживаем занавес и уходим пить сому, а он остается лежать на пустой сцене.

Навзничь.

И если даже завтра Грозного вновь выпустят на подмостки в новой роли, вынудив забыть вчерашнюю жизнь, как ночной кошмар – он снова ринется жить взахлеб, самозабвенно, исходя настоящим криком и настоящей кровью, в то время как могущественные Локапалы станут перемигиваться тайком и трясти золоченой мишурой в ожидании перерыва.

Мы смотрим – они живут.

Божественные бирюльки – и смертная правда.

Молния из земли в небо.

Клянусь Судным Днем! – мы похожи не более, чем эта мерзкая потасовка походит на Великую Битву, бойню, что завалила Курукшетру дымящимися останками... и если души убитых не являются в наши рай-геенны, то может быть, дело не в заговоре и сотрясении основ?!

Может быть, их просто переманили в другую труппу?! – и братец Вишну был прозорливей многих, делая ставку на империю смертных!

Черный Баламут, спой мне «Песнь Господа» – я хочу разучиться думать, сомневаться; я хочу стать прежним Индрой, каким я был до рассвета, когда научился моргать!

5

– Пр-рекратить!

И все стихло.

Только звон в ушах; и пыль медленно оседает на истерзанную землю.

Со стороны дальних ворот к месту несостоявшейся трапезы приближался тот, кого я не мог не узнать; тем более что только у одного существа во всем Трехмирье всклокоченная голова сидела на безбрежной равнине плечей, изрядно сместившись влево.

Но надо было лишиться ума, чтобы назвать это существо калекой.

⁷ Вибхишака – актер-паяц.

Я откачнулся от ограды и почувствовал, как чуждые мысли умирают во мне, а дыхание исподволь наполняется грозой.

И косматая туча накидкой окутала Индру, Миродержца Востока.

Впервые Брахма-Созидатель медлил, не спеша обменять дар на плоды чужой аскезы. Чудовищное количество Жара-тапаса копилось в одном месте, грозя нарушить равновесие Вселенной – а Брахма колебался. Он прекрасно понимал, что может потребовать взамен царь ракшасов и владыка острова Ланки, неистовый Десятиглавец. И лишь когда аскет принял срезать свои головы одну за другой и кидать их в пламя костра – Брахме волей-неволей пришлось предстать перед ракшасом.

Оставалась последняя голова – и шаг до катастрофы.

Бывший Десятиглавец потребовал дар неуязвимости от богов и демонов. После чего двинул войска на Локапал, и не уgomонился, пока не обошел всю Свастику. Кубера-Богач, Петле-рукий Яма и я оказались самыми глупыми – мы полезли сражаться. Никто из нас тогда еще не понимал: убей Десятиглавца мой перун или Молот Подземного Мира – дар Брахмы окажется ложным, и Трехмирье вывернется наизнанку, попытаюсь соответствовать новому Закону.

Небо станет землей, Индра – червем, бывшее – небывшим, и ни о чем нельзя будет сказать:

– Это так, и только так!

К счастью, нас вовремя остановили; и пыль темницы скрипела у меня на зубах, когда гордый собой Десятиглавец выпускал меня на свободу.

Посольство Словоблуда умилило ракшаса, а хмель победы и многочисленные дары сделали покладистым.

Вскоре неуязвимый ракшас, пресытись Локапалами, рискнул разгневать Шиву, и Разрушитель придавил руки дерзкого горой Кайласой.

К неуязвимости это не имело никакого отношения, дар Брахмы пребывал в целости и сохранности, а царя ракшасов с тех пор стали называть Ревуном.

На благородном языке – Раваной.

– Ты? – спросил Равана, и низкий лоб ракшаса пошел складками.

Я молчал и смотрел в крохотные, налитые кровью глазки.

Видя такую тоску, какую не мог представить даже в страшном сне.

– Ладно, – сам себе кивнул бывший Десятиглавец. – Ладно...

И повернулся к растерзанной охране.

– Живо все убрать, мерзавцы! Я кому сказал?! И жрать молоко с булками, прославляя каждый кусок и каждый глоток! Ясно?! А ты, Гаруда... а тебе должно быть стыдно! Понял?

И я остолбенел на месте, потому что Гаруда понял.

Глава вторая

ИСПОВЕДЬ УБИТОГО УБИЙЦЫ

1

– Завтрак подан, о мои владыки! – радостно возвестил повар, еще не вполне пришедший в себя после бунта райских демонов.

И на круглом столе из темного самшита, накрытом для нас в трапезном павильоне, начали одно за другим появляться разнообразные блюда: змеиное филе в остром соусе (явно для Гаруды), змеи запеченные, змеи фаршированные (для него же!), змеи в маринаде и в финиковой подливке (угадайте, для кого!), жареная козлятина, вкусно пахнущая дымком (я несколько оживился), фазаны с бамбуковыми ростками, приправы и салаты, фрукты...

Да, разумеется, как любой сур и уж тем более как любой Локапала, я могу не есть. Совсем.

Но есть мне нравится больше.

Равана с тоской смотрел на все это изобилие, мрачней грозовой тучей. Его несимметрично расположенная голова сиротливо возвышалась над плечами, как гора в конце равнины, волосатые ручки никак не могли найти себе места, и левое веко нервно подрагивало от смущения.

Скажи мне кто другой, что Ревун-Десятиглавец способен смутиться – в жизни бы не поверил!

«Могила исправит...» – мелькнул в мозгу обрывок чужой мудрости.

Наконец Равана не выдержал.

– А нельзя ли... нельзя ли принести постного? Молока там, простокваши? Булочек с медом? – старательно приглушая свой утробный бас, с вежливостью потомственного брахмана попросил он, когда повар в очередной раз возник около стола.

Повар, слащавый крылач в окружении толпы подхалимов-поварят, был немало изумлен просьбой гороподобного чудища. Да что там повар?! – даже у Гаруды отвисла нижняя часть клюва.

– Что с тобой, Равана? – с тревогой осведомился Лучший из пернатых. – Прихворнул, да? Глянь: отличное мясо, опять же, змейки печеные...

Гаруда невольно облизнулся, а я понял, что пришла моя очередь удивляться – Проглот предлагает поделиться змеями?!

– Меня хвори обходят, – пророкотал Ревун. – Но если мяса не положено моим... подчиненным – значит, и я его есть не стану! Всем – или никому! Наливайте молока, уроды (последнее относилось к поваряткам)! Буду жрать ваше небесное хлебово – как все; хоть меня от него уже воротит!..

На мгновение в его голосе прорвался властный рык прежнего Раваны, и я, как ни странно, расслабился. Все-таки ни ад Ямы, ни рай Опекуна не смогли до конца изменить буйную натуру отставного Десятиглавца!

Приятно, когда видишь что-то постоянное...

Перед Раваной, словно по волшебству, возник огромный кувшин молока, блюдо с еще горячими медовыми булочками, второй кувшин поменьше – с простоквашей...

Ракшас-исполин молча кивнул и с хмурым видом взял кувшин с молоком за горлышко, словно намереваясь свернуть ему шею. Мы с Гарудой, не сговариваясь, пожали плечами и тоже принялись за еду.

Но я заметил, как искры уважения сверкнули в глазах Лучшего из пернатых, который никогда не умел притворяться.

Некоторое время мы вкушали завтрак молча, утоляя первый голод. Журчала простокваша в глотке Раваны, я налегал на фазанов, но быстрее всех расползались со стола аппетитные змеи. Пригласи я сюда дружину Марутов и Словоблуда впридачу, нам всем, вместе взятым, нечего было и думать, чтобы угнаться за Проглотом! Наконец, насытившись и отхлебнув из чаши с сомой, я решил, что пора переходить к делу. Однако переходить следовало исподволь, чтобы ни Лучший из пернатых, ни Ревун не заподозрили, насколько все это меня интересует. Так, праздный разговор на сытый желудок...

Я постарался припомнить наши беседы с Брихасом – учитель словоблудия у меня был достойный!

Не посраим же науки...

– Послушай, Равана, а что ты вообще забыл в Вайкунтхе? – я с самым невинным видом поднял глаза на ракшаса, одновременно обглаживая фазанью грудку.

– А ты бы предпочел, чтобы я сейчас гнил в Преисподней? – оскалился в ответ бывший Десятиглавец.

Уж что-что, а скалиться он умел знатно!

Даже со сдобой в пасти.

– Хотел, не хотел... Сам знаешь: кто старое помянет, тому ворон глаз выклюет! – пословица свернула куда-то не туда, но Раване, похоже, именно этот поворот пришелся по душе. – Интересно просто: что надо натворить, чтоб напрямик из ада в любимчики братца Вишну?! Ну, не ломайся, поделись опытом!

– Я ж тебя амнистировал, когда ты у меня в темнице пылью давился! Вот и зачлось! – криво усмехнулся Ревун, но тут же стал серьезным. – Знаешь, Индра, может, для тебя эти миры и райские, а для меня...

– Что, у Ямы харч лучше? – усмехнулся я.

Равана испытующе взглянул на меня и отверг предложенный тон, поморщившись.

– У Ямы свои харчи, у Вишну свои... И от обоих тошнит. Ты вот знаешь, что у Опекуна здесь свой маленький ад имеется?

– Ад в раю?! – мое изумление было неподдельным.

– Вот именно, – кивнул Равана, склонив свою асимметричную голову почти к левому плечу. – Упен... ладно, Гаруда, брось зыркать! Короче, Опекун расстарался! Специально для таких, как я.

– Он что, решил заместителем Ямы стать?

Гаруда обиженно нахохлился, усмотрев в наших словах насмешку над обожаемым Вишну, но я лишь отмахнулся от Проглота. Скупые ответы ракшаса меня сейчас интересовали куда больше.

– Мне не докладывали! – Ревун смачно харкнул под стол. – Собрал сюда чуть ли не половину тех, кого его аватары поубивали, а меня над покойниками старшим поставил! Так и живем, сутки-двое: два дня охраняем, третий – мучаемся! Ну, когда-никогда выходной дают... на травке поваляться. Не рай, конечно, но все лучше, чем у Ямы!

Особой признательности к благодетелю-Упендре в его тоне не чувствовалось.

– Да что тут, в Вайкунтхе, охранять? – бросил я еще один камень. – Обитель ведь – не тюрьма! Или апсары праведников крадут, на племя?!

– Вот и я о том же! – с радостью поддержал меня Гаруда. – Конечно, Великому Вишну виднее, только я бы на его месте... Собрал тут толпу дармоедов! Маются дурью, а как при-

личная апсара забредет под крылышко – пугают! С такими-то рожами! Прохвосты! А жрут-то, жрут...

Гаруда с тоской окинул взглядом ближнюю к нему часть стола, похожую на Поле Куру в разгар сражения, и стыдливо умолк.

К моему удивлению, Ревун отреагировал на тираду птицебога более чем равнодушно. Наверное, привык.

– Знаешь, Индра, – доверительно обратился он ко мне, – вот скажи мне такое хоть Гаруда, хоть сам Шива лет сто назад, когда я еще был жив... клянусь собственной смертью, голову б оторвал! Если б смог, – тихо добавил ракшас, помолчав. – А теперь – веришь ли?! – даже не обижаюсь! Эх, Владыка, пекло – оно даром не проходит! Да и рай – та еще кость в горле... Укатали Равку стеклянные горки! Я ведь, когда к Яме угодил, тоже сначала хорохорился...

2

...колесница аватары Вишну, известной в Трехмирье под именем Рамы Дашаратхи, окуталась черным дымом. На мгновение Раване показалось, что это его огненные стрелы наконец сделали свое дело, что колесница врага горит, исходя чадом... Но победно расхохотаться царь ракшасов не успел. Из дымного облака вынырнула округлая и остроносая туша, жар нахлынул слепящей волной, и страшная мара устремилась к жертве.

«Посох Брахмы!» – успел подумать Ревун.

Удара он не почувствовал. Просто внутри исполина вдруг возникла зияющая пустота, и в нее расплавленной рекой хлынула Вселенная, разнося могучее тело вдребезги...

– ...Явился? Вставай, пойдем.

Голос был скучный, голос был серый, да и на голос походил мало. Так, равнодушный шорох небытия, без ненависти, без торжества, даже без злорадства – и Равана с трудом открыл глаза.

Над ним возвышался остроухий киннар, и бледное скуластое лицо киннара венчала шапка красных волос, похожая на клубок дождевых червей.

– Помочь? Ишь, разлегся...

– Помочь?! – во всю мощь своей прославленной глотки взревел Равана, окончательно приходя в себя.

Все было на месте – могучее тело, волосатые руки, ноги в узлах мышц, единственная оставшаяся голова; зато нанесенные врагом раны исчезли. Разве что где-то глубоко в груди тлела заноза-лучина, но на нее царь ракшасов не обратил внимания.

Бывало и хуже!

Одним рывком он вскочил на ноги. Покачнулся. Но устоял.

Силы быстро возвращались.

– Где я? Отвечай, тварь!

– Там, где и полагается – в царстве Ямы.

– Ха! Один раз я здесь уже хорошо позабылся! Что, мало показалось?! Ну, так мы это сейчас исправим!

И Равана двинулся на попятившегося киннара. Продолжая отступать, адский служитель вдруг заложил два пальца в жабий рот, пронзительно свистнул – и со всех сторон на Равану обрушились десятки киннаров-близнецов с веревками, цепями и сетями.

Однако ловцов ждало серьезное разочарование! Царь ракшасов разошелся не на шутку, и драка завязалась порядочная – развязывай, кто безумен! Бывший Бич Трехмирья расшвы-

ривал наседавших отовсюду врагов, стряхивал их с себя, как отряхивает воду медведь, выбираясь из ручья на берег – и адские служители один за другим гулко шлепались в стены, со стоном отползая в стороны. Тенета возникали из ниоткуда, множась и переплетаясь, но Ревун рвал их в клочья, громогласно хохоча, и уверенно шел на врагов, загоняя киннаров в глубину широкого тоннеля. В воздухе висел густой запах пота и разгоряченных тел, каменные стены зыбко пульсировали, будто живые – и на какой-то миг на Равану нашло затмение. Ему вдруг показалось, что он заблудился в вонючих кишках неведомого обжоры, что сейчас по кишечнику пройдет спазм, и потеющие соленой росой стены сомкнутся, прилипнут сотнями безгубых ртов, раздавят...

Царь ракшасов мотнул головой, гоня наваждение прочь – и тугая петля сдавила его горло.

Перед Раваной стоял Яма-Дхарма, Миродержец Юга. И волосяная удавка, что росла из обрубка правого запястья Князя Преисподней, была наброшена на единственную шею Раваны.

Ревун попытался ослабить беспощадную петлю – но это было едва ли не сложнее, чем вырваться из объятий змея Шеша, опоры Вселенной!

– Пошли, – хмуро бросил Яма, глядя мимо своего пленника, и направился вглубь пульсирующего тоннеля.

Равана захрипел и, не в силах сопротивляться, словно жертвенный козел, последовал за Князем Преисподней.

Они прошли мимо двух адских псов Шербаров-Змеехвостов и, миновав развилку, где боковой коридор сворачивал в Питрилоку – Мир Предков – двинулись дальше, по направлению к Преисподней-Нараке.

Равана знал эту дорогу. Когда-то он вторгся сюда во главе победоносного войска ракшасов... когда-то, в старые славные времена...

И внезапно странная мысль пришла в единственную голову влекомого на муки ракшаса: «Как же я победил Яму в ТОТ раз, если сейчас я волочусь за ним выжатой тряпкой?! Может быть, это потому, что тогда я был еще жив?..»

У Раваны не нашлось ответа на этот вопрос.

* * *

Царь ракшасов полагал, что вполне представляет себе ожидающие его муки: ведь он уже однажды спускался в Нараку и видел, что там делают с грешниками. Но, как вскоре выяснилось, одно дело – наблюдать за мучениями со стороны, и совсем другое – испытать их на собственной шкуре.

Зря надеялся Равана на природную нечувствительность к боли – здесь, в Преисподней, его чувства обострились тысячекратно, и даже легкий укол иголкой ощущался, как боль от стрелы, пронзившей тебя насквозь!

А мучители пользовались далеко не иголками.

Поначалу Яма определил его в Пятый ад, Риджишу, где грешников терзали дикие звери, змеи, ядовитые насекомые, черви, огонь и колючие шипы. Однако очень скоро слуги Князя Преисподней поняли свой просчет! Раване в какой-то степени даже понравилась Риджиша. При жизни великий ракшас всегда тяготился покоем, с радостью окунаясь в битву – а здесь ему предлагали вечный бой! Пусть неравный, безнадежный, когда ты один против всех, когда тебя раз за разом заваливает горячими телами, и острые клыки рано или поздно все равно впиваются в твою глотку... Но прежде, чем умереть в очередной раз, ты успеваешь проломить десяток-другой черепов, свернуть пару шей – и у тебя создается иллюзия, что ты умер не зря, или по крайней мере – не даром! Оживая через мгновение и бросаясь в новую бессмыслен-

ную схватку, ты чувствуешь на губах терпко-соленый привкус чужой крови, крови врага, врага поверженного – и любые страдания в настоящем или грядущем отступают перед этим упоительным ощущением! Что муки ада?! Призрак, мара, рассветный туман! А реальность – вот она! Мучимый схватывается с мучителем, мертвый – с неживым, и уже просто некогда замечать жала змей и шершней, а давить вгрызающихся в стопы ног червей можно с большим экстазом, чем некогда – любить покорную твоей воле женщину...

И в то мгновение, когда ярость выплескивается утробным ревом, когда под твоими пальцами с хрустом ломаются шейные позвонки, а в уши врывается предсмертный хриплый вой – в это мгновение ты почти счастлив!

Ад?

Рай?

...Когда бывшего Десятиглавца забирали из Риджиши, он отбивался, пока мог.

А потом – еще.

Его ждала зловонная река Вайтарани, чье название словно в насмешку означало «Переправа»; кипящая стремнина нечистот, слизи и крови пополам с гноем.

На этот раз киннары оказались предусмотрительнее: вынырнув из гнойной жижи, скользкая тварь обвила тебя щупальцами и потащила на дно. Равана вырывался, грыз зубами губчатую плоть – тщетно. Омерзительное месиво сомкнулось над его единственной головой...

Изредка тварь давала ему возможность подняться на поверхность и вдохнуть глоток смрадного воздуха – затем снова увлекая в отвратительную пучину. Здесь тоже обитали какие-то существа; Равана ни разу не смог их рассмотреть в окружавшей его мутной мгле – но обжигающие укусы ядовитых зубов ощущал постоянно.

Вместо боя – затхлое и вонючее бездействие.

Ад?

Хуже?

Это продолжалось долго. Очень долго. Десять лет? двадцать? пятьдесят? вечность?

Он не знал.

Самым страшным было другое: ощущения со временем не притуплялись. Привыкнуть к смраду, объятиям твари-надсмотрщика и омывающему тело потоку нечистот было невозможно; а укусы обитателей Вайтарани перестали обжигать, вместо этого выворачивая тело наизнанку.

Впрочем, терпеть Равана умел. Терпеть муки – и ждать. Не зря же в свое время великое подвижничество ракшаса едва не поколебало основы Вселенной!

Грешник из грешников чувствовал, что муки постепенно сводят его с ума. К страданиям телесным добавлялись еще и страдания мятежной натуры: невозможность изменить свою судьбу, вырваться, бежать – или хотя бы погибнуть вновь, отомстив своим палачам.

Лишь одно не давало ракшасу окончательно окунуться в черную пучину безумия, которая все равно не спасла бы его от мук.

Надежда умирает последней. Она остается даже тогда, когда тело твое уже мертво, а душа мучается в аду на грани полного распада.

И вот однажды...

О, это благословенное «однажды»! Он ждал его целую вечность, верил в него – и дождался!

Когда проклятая тварь в очередной раз дала ему возможность вдохнуть воздух Преисподней, напоенный миазмами – Равана ощутил, что оковы-щупальца ослабли.

Наконец-то тварь утратила бдительность.

Упустить единственный шанс царь ракшасов не мог. Рванувшись изо всех своих еще немалых сил, он выскользнул из опостылевших объятий – с победным ревом вылетев на берег.

Он хорошо помнил дорогу к выходу из ада. И, несясь через знакомые дебри Риджиши, расшвыривая по дороге волков и гиен, не обращая внимания на укусы насекомых и хлещущий по плечам огненный дождь, устремился навстречу вожакам свободной воли!

«Дайте мне только вырваться отсюда! Дайте только вернуться в мир живых – и вы скоро вспомните Равану! Скорей, чем вам хотелось бы!» – пело сердце в груди мертвого ракшаса.

Уже вбегая в знакомый туннель, Равана вдруг сообразил: ни один из встреченных им по дороге остроухих киннаров не попытался задержать беглеца! Испугались? Поняли, что бесполезно? Или...

Воздух вокруг сгустился, затрудняя движения, становясь упругим, мешая бежать, но Ревун упорно шел вперед – к свободе, к свету, в мир, из которого он был низвергнут аватарой Опекуна...

Воздух превратился в невидимую стену. Шаг, другой – и Равану отбросило назад. Он упал, обдирая в кровь ладони и колени, бешеным воплем кинулся на четвереньках – его отшвырнуло вдвое сильнее. Ракшас завыл в безнадежной тоске и услышал за спиной спокойный голос адского служителя:

– Пойдем обратно, Ревун. Твои грехи надежней любых сторожей...

Киннар стоял в десяти шагах и смотрел на царя ракшасов, как смотрят на диковинного, но глупого зверя.

Его взгляд придавал Раване ярости – и мощи. Чудовищным усилием он сумел продвинуться на посох... два посоха...

И вновь распростерся у самых ног киннара.

– Убедился? – в голосе слуги Ямы не было ни злорадства, ни даже насмешки. – Тогда вставай. Пошли.

– Куда? – тупо осведомился Ревун.

– Обратно. В Преисподнюю.

И грешники могли видеть: бывший Бич Трехмирья, перед которым трепетали Локапалы, ссутулившись, понуро бредет вслед за бесстрастным провожатым.

Сам.

Без цепей и веревок.

* * *

Однако в зловонную пучину Вайтарани его не вернули – и Равана был благодарен Петлеру уже за это!

Теперь у него появились личные палачи: полудюжина киннаров, сменявших друг друга. Каленые иглы под ногти, поджаривание на медленном огне, котел с кипящим маслом, соль и красный перец на свежие, (всегда свежие, будь они прокляты!) раны – ракшас стоически переносил адские пытки. Привыкнуть к страданиям по-прежнему было невозможно, но смириться, как с неизбежным злом, справедливым наказанием за прошлые грехи?

Почему бы и нет?

Временами Равана удивлялся сам себе: почему он не ревет бешеным зверем, не сопротивляется, не пытается вырваться и растерзать палачей?

«Сломался, Ревун?» – думалось иногда, но в глубине души ракшас понимал: вряд ли.

Дело не в этом.

Теперь у него было много времени. И хотя пытки плохо располагают к размышлениям, Равана все же находил в себе силы отрешиться от сиюминутных страданий, заново перебирая четки навсегда потерянной жизни: бусина, другая, третья... Былые подвиги или преступления,

пустяки или события сейчас представляли перед измученным ракшасом в совершенно ином свете: не царь, но прах, не триумфатор, но последний из грешников, не богоравный герой, а убийца и насильник...

И, как венец любых дум – удавка Князя Преисподней, когда Равану, подобно жертвенному козлу, вели вглубь Нараки.

Вели на убой, а он ничего не мог с этим поделать.

Чем же были все его блистательные победы над Локапалами-Миродержцами?! Майей, иллюзией? Милостыней Брахмы?

Ведь Созидатель, даровавший ему неуязвимость от богов в обмен на плод чудовищной аскезы, возникал рядом не раз. Тогда-то Равана гордо думал, что Брахма является смиренным посланцем: просить его, могучего Равану, пощадить очередного бога-сура – и милостиво соглашался, считая себя равным Созидателю.

Победив, он мог позволить себе великодушие!

Но из бездны ада все выглядело по-иному. Сурья-Солнце просто выслал навстречу Десятиглавцу привратника, разрешив последнему сдаваться или сражаться по собственному усмотрению – и продолжил играть с Варуной, Миродержцем Запада, в «Смерть Раджи». Триумф? – или пощечина?! Если петля Ямы влекла Равану без усилий, то многое ли ракшас мог бы противопоставить Молоту Подземного Мира, когда Петлерукий в гневе уже был готов пустить оружие в ход?! Устоял бы он против громовой ваджры Индры-Стогневного, разгневайся его соперник всерьез?! Ведь даже Валин-Волосач, сын Громовержца – обезьяна, не бог! – таскал Равану в поднебесье, как орел кролика!

А Тысячерукий Картавирия – человек, всего лишь человек! – скрутил непобедимого ракшаса и заточил в темницу только за то, что Равана помешал Тысячерукому забавляться в реке с женами...

Тогда, обуянный гордыней и тщеславием, Равана после очередного унижения кидался отыгрываться на Локапалах, вновь и вновь терзая всю Свастику; но сейчас, расплачиваясь в царстве Ямы за прошлые прегрешения, он передумал и понял многое.

И Брахма-Созидатель был не посланцем, а нянькой, боясь за основы Вселенной, а не за Миродержцев или за неуязвимого глупца...

Бывший Бич Трехмирия корчился от стыда, и пытки казались избавлением.

А еще Равана иногда находил в себе силы удивляться, наблюдая за мучителями-киннарами.

Царь ракшасов вспоминал, как у себя дома, на Ланке, издевался над пленниками – унижение героев забавляло, ощущение собственного могущества хмелем кружило единственную голову, возможность казнить и миловать доставляла райское блаженство... И это было правильно – иначе зачем нужны богатство, власть, воинские победы?!

Но ад жил по другим законам. Исподтишка наблюдая за слугами Ямы, Ревун ни разу не заметил на их физиономиях злорадных ухмылок или раздражения, когда он, дергаясь на колу, выкрикивал проклятия и оскорбления (впрочем, это хоть как-то спасало лишь поначалу). Чувство превосходства, сострадание, наслаждение чужими муками – ровным счетом ничего не отражалось на бледных лицах киннаров.

Любая пытка, любое поведение пытаемого – равнодушные палачи словно были частью мучений!

Равана уже готов был счесть киннаров бесчувственными, неполноценными существами, тупыми исполнителями чужой воли. Но однажды случайно заметил, как двое сменившихся киннаров, отойдя в сторону, разговорились о чем-то между собой. Его мучителей словно подменили! Один оживленно жестикулировал во время рассказа; второй внимательно слушал, потом брякнул два слова, взлохматил красную шевелюру – и оба от души расхохотались! Хло-

пая друг друга по плечам и утирая слезы, выступившие от смеха, киннары направились прочь, а Равана еще долго смотрел им вслед.

С высоты кола.

Этот случай подсказал бывшему Десятиглавцу убедительней целой своры мудрецов-наставников: то, что для ракшаса некогда было развлечением и утверждением собственной власти, для киннаров являлось работой. Буднями, повседневностью, монотонным трудом, который адские служители прилежно выполняли тысячелетие за тысячелетием. Они были выше ненависти, наслаждения или сострадания. Просто каждый грешник обязан получить свое и уйти на новое перерождение. А на его место придет другой. Киннары должны мучить, а грешники – мучаться.

Таков порядок.

Таков Закон.

Недаром вторая ипостась Петлерукого Ямы – тот же самый Закон-Дхарма; и недаром Князя Преисподней зовут Дхарма-раджей, Царем Смерти-и-Справедливости.

Поняв это, Ревун смирился окончательно. Никто не издевался над ним, не желал ему зла – и стало быть, некого было ненавидеть или молить о снисхождении.

Таков Закон,

Теперь Равана все чаще вспоминал годы своего беспримерного подвижничества, и иногда ему казалось, что сейчас он снова предается аскезе и истязанию плоти. Нет вокруг мучителей-киннаров, нет адских тварей и огненных дождей – все эти муки причиняет и принимает он сам.

Добровольно.

Странное дело: когда нынешнее положение представлялось великому ракшасу в таком свете, боль от пыток слабела.

Таков Закон?..

Время червем рыло норы в стенах Преисподней. Равана давно потерял счет дням, месяцам и годам, а спрашивать у киннаров не хотелось – да и собственно, какая разница?

Его стали чаще оставлять в покое. «С чего бы это? – гадал про себя ракшас. – Может быть, я уже искупил большую часть своих грехов?»

Далек ли он был от истины или приблизился к ней вплотную? – так или иначе, вскоре к нему явился посланец!

Вернее, посланец Вишну-Опекуна приходил не к Раване, а к Князю Преисподней, но на обратном пути небесный гость завернул и к закованному в цепи ракшасу. Сейчас бывший Десятиглавец страдал многодневным мутным похмельем, непонятно чем вызванным. Вернее, как раз понятно чем – просто пришло время для очередной пытки. Самым обидным было то, что хмельного Раване никто не давал целую вечность! Зато похмелье выглядело подлинным до мелочей: с головной болью, рвотными позывами, слабостью во всем теле... Ракшас уже начал задумываться: не лучше ли было бы вернуться к иголкам под ногти? Впрочем, его мнения никто не спрашивал.

Вот в этом-то состоянии грешника и застал посланец Вишну.

– Радуйся, ракшас! – громогласно возвестил гость; и Равана заскрипел зубами, морщась от очередного приступа головной боли. – В несказанной милости своей Опекун Мира переводит тебя, грешника, на службу в свою обитель Вайкунтху! Недолго осталось тебе стенать во мраке Нараки...

– Уйди, кошмар-искуситель! – простенал Равана, борясь с желудочными спазмами. – И без тебя тошно!

Посланец Вишну обиженно пожал плечами и исчез.

А примерно через месяц за Раваной действительно пришли...

3

Равана замолчал и машинально опрокинул в глотку чашу с сомой.

Мою.

Вздрогнул, непонимающе уставился на опустошенный сосуд и осторожно поставил его на стол.

– Это я случайно... – в смущении пробормотал ракшас, горбясь. – О чем мы?..

– Через месяц за тобой пришли, – напомнил ему Гаруда, все это время, как и я, внимавший рассказу ракшаса.

Напрашивался вывод: Лучший из пернатых слышит историю Десятиглавца впервые.

– Пришли, – подтвердил Ревун. – Я сперва не поверил, но меня действительно расковали и повели к выходу из Преисподней. Иду, все вокруг как в тумане – и не верю! Не бывает! Только когда миновали то место, где меня швыряло... Чувствую: идти тяжело, но можно; и тут меня как обухом – поверил! А снаружи уже колесница ждет...

Он снова замолчал, уставясь в одну точку.

– Вот так я и попал сюда, – закончил бывший Десятиглавец. – Сам Опекун у ворот встретил, рассказывал: он, мол, когда Рамой-аватарой был и меня убивал – зарок дал, что теперь, значит, за меня в ответе! Дождался, пока положенное отмучаюсь, и к себе, в Вайкунтху, забрал. Верховодить над всеми, кого Опекун за это время в ад спровадил: потому как помнит, что я – царского рода...

Равана тяжело вздохнул, вспоминая тот разговор.

– А я его слушаю – и чувствую: плохо мне! В раю плохо! Руки-ноги крутит, в голове звон, все тело огнем горит – и словно тянет меня куда-то, прочь отсюда! Опекун, видать, тоже заметил. Запнулся, а потом и говорит: «Вижу, все вижу, непутевый ты ракшас... Значит, не добела ты у Ямы очистился, отторгает тебя моя Вайкунтха! Даже под моей Опекой... Но это дело поправимое – есть тут у меня под боком одно местечко...» Оказалось – и правда есть! Вроде ада, только маленького. Душ на сто-сто пятьдесят. Вон, Гаруда знает...

– Знаю, – мрачно кивнул Лучший из пернатых, чуть не пробив клювом столешницу. – Глаза б мои его не видели!

И непоследовательно добавил:

– Индра, хочешь – покажу?

– Как-нибудь в другой раз, – отклонил я предложение Гаруды, которое почему-то не показалось мне особо заманчивым. – Лучше я Равану послушаю. Сколько лет, понимаешь, не виделись! А исподнее... в смысле, преисподнюю брата-Вишну я потом посмотрю...

– Да что там смотреть! – досадливо махнул ракшас волосатой ручищей. – У Ямы-дружка, небось, бывал?

– Бывал.

– Так вот, у Ямы лучше. То есть хуже. То есть... Тьфу, пропасть, совсем запутался! Короче, дело у Ямы куда правильной поставлено! А тут не палачи, а недотепы! Хорошо хоть Вьяса-Расчленитель иногда заходит – уж он-то им мозги вправляет будь здоров! Любо-дорого посмотреть!

Вьяса?! Черный Островитянин, сын Сатьявати и Гангеи Грозного, одна из смертных аватар Опекуна?! Оч-чень интересно! Значит, он здесь? Или БЫВАЕТ здесь? Или ИНОГДА ЗАХОДИТ?! Ладно, отложим. Вопросов пока задавать не будем – пусть Ревун рассказывает.

– ...Ну, мы их кой-чему подучили, теперь уже справляются. Не как киннары, иногда сознание теряют, палачи-крылачи, откачивать приходится – но худо-бедно... Так и живем:

сутки-двое... ну, да я тебе уже говорил. Все легче, чем в Нараке. И служба-то непыльная – прав Гаруда! Бездельничаем больше. Хотя грех жаловаться – Опекуну виднее...

И Равана подмигнул Лучшему из пернатых.

– А кого охраняете-то? И от кого?

Может, спрашивать и не стоило, но слова сами сорвались с языка. Однако ни Равана, ни Гаруда ничего не заподозрили. И то правда: любому интересно, кого и от кого в Вайкунтхе охранять понадобилось?!

– Да мудрецов всяких, подвижников... а вот от кого – понятия не имею! Велено сторожить – мы и сторожим. Только покамест без толку! Эх, если б мне кто раньше сказал, что я, Равана-Непобедимый, царь ракшасов, буду у Вишну в саду плешивых мудрецов пасти – я б тому пророку... – Ревун безнадежно понурил голову. – Видать, и впрямь не добела отмылся. И Вайкунтха нас не любит: в аду очищаться приходится, чтоб приняла хоть на окраине! Правда, теперь пореже: раньше словно понос – через день бегали! Как мыслишь, Индра? – служба эта дурацкая, может, она тоже вроде искупления? Эх, искуплю до конца – и на новое перерождение! Засиделся я в мертвецах, надоело – во! (Равана выразительно провел ребром корявой ладони себе по горлу). А так – ничего. Не совсем рай, конечно, но иногда и апсару какую-нибудь подцепишь, и поговорить есть с кем – жить можно. Хотя я бы, дай мне волю...

4

Что бы сделал Ревун, если б ему дали волю, нам с Гарудой узнать было не суждено. Издалека слышались возбужденные крики, знакомое ржание – и тут же все это перекрыл трубный глас, который мудрено было не узнать:

– Владыка Индра! Яви лик! Меня прислал за тобой Брихас! Владыка-а-а!!!

Когда надо, звонкий голос Матали мог поднять на ноги мертвых. И уморить живых. Помню, на день рождения десятков остроумных мудрецов скинулись и поднесли Матали в складчину такой дар. Только пользовался им мой сутра редко.

Что ж стряслось у Тридцати Трех, если он так орет?!

– Матали, я здесь! – заорал я в ответ, и вышло совсем неплохо: Равана поспешно зажал уши, а Гаруда втянул клювастую голову в покрытые перьями плечи.

– Сейчас разберемся, – бросил я им уже нормальным тоном. И, наплевав на все правила этикета (мне – можно!), как ужаленный, вылетел из трапезного павильона.

Джайтра, колесница моя золотая, сама рванулась ко мне от решеток, и буквально через несколько мгновений Матали резко осадил коней в двух саженях от меня.

– Приветствую тебя, Владыка, – скороговоркой протараторил возница. – Брихас... Брихас... меня... за тобой! Там, на Поле Куру... Владыка, это Пралая! Конец света!

Я даже не успел спросить, откуда Словоблуд узнал, где меня искать – задыхающийся голос Матали разом уплыл в сторону, продолжая бубнить несурязицу на самом краю сознания, а я ощутил знакомое тепло.

Жар!

Миродержцы пытались связаться со мной через Свастику Локапал!

И руки мои сами раскинулись крестом.

Глава третья БОГАМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН

1

Однажды братец Вишну придумал себе две ипостаси, двух божественных мудрецов-стервецов: Нару и Нараяну.

В переводе с благородного: Народ и Путь Народа.

Простенько и со вкусом.

Видеть их никто не видел, слышать не слышал, поскольку ни того, ни другого и быть не могло в связи с непреходящим величием; а единственный реальный мудрец с похожим именем Нарада (склочник, каких не то что мало, а и вовсе-то нет!) очень ругался, когда его путали с этими ипостасями.

В последнее время Нарой и Нараяной – вернее, их вторичными воплощениями! – полюбили называть Черного Баламута и моего сына Арджуну, но болтовня сплетников, что снег под солнцем!

Зато оружие «Нараяна» существовало на самом деле. И к его появлению выдумки братца Вишну, равно как и сам Упендра, не имели ни малейшего отношения; здесь разве что Тваштар-Плотник руку приложил...

Ударение в названии оружия делалось на втором слоге, что для сведущих в воинской науке выворачивало смысл слова наизнанку; и «Путь Народа» превращался в «Путь Народа навыворот».

Беспутство Народа.

Ничего более страшного в арсенале Трехмирья не имелось – если, конечно, не брать в расчет Тришулы, убийственного трезубца Шивы.

Защиты от «Беспутства Народа» не знали. Любое сопротивление только усиливало его действие, а если сопротивляющихся оказывалось достаточно много, и они могли продержаться против «Нараяны» достаточно время, то мощь оружия возрастала тысячекратно, и тогда – здравствуй, Пралая, Судный День, конец света!

Горы трупов и толпы забывших все, включая собственную варну и имя, слюнявых идиотов! Может быть, уцелеет горстка ублюдков из смешанных каст, да еще недоумки от рождения – и все! Брихас давным-давно просветил меня на сей счет, предупредив, чтобы я ни в коем случае не хватался в гневе за «Нараяну»!

Ведь эта пакость была по сердцевине, по глубинной сути – бога ли, человека, неважно – по его Пути! Сильных, способных сопротивляться, тех, кто верен долгу и чист варной, это просто убивает; тех, что послабее – сводит с ума; остаются лишь выродки, подлецы и дураки, в ком отродясь не было того внутреннего стержня, который разрушает «Нараяна».

Путь народа меняется. Старый мир погибает в корчах, а новый... Уж лучше просто сжечь все Трехмирье одним махом, чем увидеть, что сделает с ним «Нараяна»!

Вот такую «веселую» картину нарисовал мне в свое время Словоблуд.

Однажды запущенное, это оружие уже нельзя остановить до тех пор, пока оно не поразит хоть кого-нибудь. Защита же от него одна: отрешиться от своего долга, сойти с Пути, покориться судьбе – и тогда «Нараяна» пройдет стороной, минуя тебя.

Кшатрий, забудь в пучине битвы, что ты – воин! Брахман, забудь во время обряда, что ты – жрец! Вайшья, плюнь на дом и ремесло; женщина, перестань быть женщиной, а мужчина – мужчиной!

Индра, искренне поверь, что ты никогда и ни при каких обстоятельствах не был Громовержцем и Владыкой Тридцати Трех...

Вот оно, Беспутство Народа.

А если предположить, что враги чудом сумеют прикинуться безмозглыми рабами и увильнут от гибели – «Нараяна» в поисках жертвы ударит по тому смельчаку, кто ее запустил, и по его союзникам. Беспутство Народа без добычи не уходит...

Значит, жертвы будут. Жертвы будут сопротивляться – и «Нараяна» опять же начнет набирать силу!

А Поле Куру – благодатная почва...

...Сын погибшего вторым воеводы Дроны, Брахмана-из-Ларца, прекрасно знал это. И месть заставила воителя, ни в чем не уступавшего отцу, схватиться за ужас Вселенной.

За Беспутство Народа.

* * *

Нет, все-таки Матали был гениальным возницей! Мало сказать, что Джайтра неслась по путям сиддхов быстрее перуна – пожалуй, от нас отстал бы и сам Гаруда, который иногда развлекался, обгоняя метательный диск Опекуна!

Еще!

Надай, сута!.. рви коням жилы, хлещи бичом наотмашь – гони, синеглазый!

Свастика Локапал на какой-то неуловимый миг растворила меня в себе, размазала по Мирозданию... и мгновением позже прийдя в чувство, я уже знал все, что нужно. Внутри Свастики Миродержцы далеки от плоских слов или выкриков – но спрессованный шквал образов и ощущений, обрушившийся на меня из Безначалья, был однозначен. Впервые за многие юги Трехмирья всерьез грозила гибель! Смертный в гневе посягнул на основы основ; сын Наставника Дроны, яростный Жеребец-Ашваттхаман, воззвал к «Беспутству Народа»!

А Локапалы хором воззвали к Индре, Миродержцу Востока, готовые, если понадобится, предоставить мне всю мощь Восьмерых!

На моей памяти не было ни одного подобного случая – даже в самых отчаянных войнах с асурами Миродержцы никогда не объединялись воедино.

Свастика – не для войны. Лишь когда шатаются, грозя обрушиться, столпы Трехмирья, Миродержцы вправе и должны отдать последнее. Эта сила – не для междоусобиц и поединков. Она – для того, чтобы оттащить Вселенную за волосы от края пропасти, помешав обрушиться внутрь самой себя.

Я хотел знать правду о Брахмане-из-Ларца, чья гибель виденьями терзала Варуну-Водоворта; но сына Дроны я должен был остановить любой ценой.

Пути сиддхов остались позади, Джайтра пронизала насквозь пушистое покрывало облаков – и теперь перед нами стремительно выросло Поле Куру. Матали, не дожидаясь моего приказа, натянул поводья, я швырнул под колеса и копыта охапку перистых циновок, и мы застыли в воздухе, самую малость не дотянув до восточных низин.

Я перегнулся через бортик: вот она, Курукшетра, дымящаяся земля, кишачая жуками-слонами и муравьями-воинами, шутка Черного Баламута, ристалище смельчаков и излюбленное зрелище богов-суров... Да, на месте сына Дроны я бы тоже схватился за что ни попадя, наплевав на любые последствия.

Положение столичных войск было безнадежным. На южном фланге сломя голову отступала пехота, и, ловчим псом вцепившись в загривок жертвы, неслась по пятам за беглецами конница ликующих победителей. Северный фланг чудом держался, смыкая ряды вокруг вражеских колесниц, но сверху было хорошо видно: долго им не выстоять.

Даже если слоны резерва успеют вовремя.

А в центре кипени сражения, стянув на себя все остатки великоколесничных героев Хастинапура, дожда ливнями стрел и дротиков, неистовствовал мой сын.

Обезьянознаменный Арджуна.

На мгновение я почувствовал гордость, законную отцовскую гордость – и в ответ недра моей души взорвались Кобыльей Пастью, огненным зародышем Пралаи, окатив сознание пенной волной.

Приливом бешеной ярости.

Ярость и гордость схлестнулись в рукопашной, зубами ища горла врага, и, захлебываясь в кипятке чувств, я понял...

Ничего я не понял.

Просто чужак, который поселился во мне со вчерашнего рассвета, вновь очнулся.

– ...даже если сама Смерть, уносящая все живое, станет неусыпно охранять на поле брани сына Индры, я все же, сойдясь с ним в схватке, либо сражу его, либо пойду к Яме по стопам Грозного! Если даже все Миродержцы с сопровождающими их сонмами, явившись сюда, станут сообща оберегать Арджуну в великой битве, то я и тогда уничтожу его заодно с ними! Если... если...

Но прибой накатил и отхлынул. Багровая пелена, застав на время мои глаза, рассеялась, и я, стараясь не думать о чужаке, а заодно – и об Арджуне, причине нелепой ярости нелепого призрака, обратил свой взор вглубь позиций хастинапурских бойцов.

И почти сразу же увидел сына погибшего Наставника Дроны, Жеребца-Ашваттхамана, чистокровного Брахмана-из-Ларца во втором колене.

Сын Дроны презрел победу, вместо родового знамени с изображением львиного хвоста подняв красный стяг мести. Чистой и холодной мести, как чиста и холодна железная колонна в годаварийском храме Шивы-Разрушителя. Брахман-воин, он просто хотел умереть, прихватив с собой в ад подлых убийц своего отца. Смерть друзей и союзников? конец света? собственная гибель?! честь или позор?! – вряд ли что-то имело сейчас значение для бешеного Жеребца.

Праведный Дрона, лучший из лучших, погублен обманом – сын мертвого спрашивает: «Стоит ли ТАКОМУ миру длить существование?»

Путь Народа обратился в Беспутство; сын мертвого спрашивает: «Даже если жизнь теперь обратится в не-жизнь, что это изменит?!»

Сын мертвого спрашивает...

Как кшатрий, я его понимал. Но в отличие от Жеребца, я находился снаружи, и судьбы Трехмирья были отнюдь не безразличны Индре, Локапале Востока и Владыке Тридцати Трех!

Горе мне! – Миродержцы не способны потерять голову...

Сын Дроны уже успел приступить к ритуалу вызова: сидя на берегу извилистого ручья, где вода давно текла пополам с кровью, и не обращая внимания на свист стрел, Жеребец прикрыл глаза, и с губ его ключьями пены срывались первые слова. Руки брахмана-воина волнами плыли над бронзовым котелком; и, взглядевшись, я увидел: вода в котле неумолимо темнеет, наливаясь жидким свинцом, даже на вид становясь более тяжелой...

Родниковая вода вперемешку с кровью, страшная, но безобидная жидкость, покоряясь велению Жеребца, все больше начинала походить на воды Прародины, откуда и должно родиться оружие «Нараяна»!

Предвечный океан плеснул в бронзовых стенах, Безначалье свинцовым зрачком уставилось на Второй мир; и у меня перехватило дыхание.

– Матали, давай! – горло вытолкнуло приказ комком мокроты.

И мой верный сута, даже если он и не следил вместе со мной за действиями сына Дроны, побледнел храмовым истуканом – словно я только что плюнул ему в глаза.

Сапфировый всплеск омыл лицо возничего, четверка гнедых разом заржала, вздыбась от окрика Матали – и вихрем рванула с места, топча копытами небесный путь. Мы неслись к земле, земля неслась нам навстречу – и я еще успел удивиться: почему никто из сражающихся до сих пор не обратил на нас внимания? Впрочем, в пылу битвы, когда каждый брошенный в небо взгляд может стоить жизни...

Удар!

В первое мгновение мне, оглушенному и наполовину ослепшему, показалось, что колесница с размаху врезалась в грудь седоглавого гиганта-Химавата.

Тряся головой, как дряхлая развалина, ничего не понимающий Матали поспешно сдал назад; кони раскачивали Джайтру, подобно вознице тупо мотая мордами, захлебываясь кровавой пеной – но все четверо уже набирали новый разбег, повинуясь вожжам и пронзительному визгу суты.

Удар!

Даже не с испуганным, а с каким-то изумленным воплем Матали теряет равновесие, кувырком летит вперед, через спины и головы искалеченных коней; истощное ржание, молоты Подземного мира колотятся в моем сознании, треск сломавшейся оси...

И я остаюсь один.

3

...Косматая накидка пульсирует под коленями, и мне больно, мне очень больно, словно я стою на черном горохе, которым осыпают царей при возведении на престол; я? – Индра, Владыка...

Индра на коленях?!

Впервые в жизни я не могу встать. Туча дышит прохладой, лаской нерожденных молний и непролившегося дождя, она умоляет меня потерять сознание, расслабиться, уйти в забытие – прости, туча, покорная служанка, прости и не мани запретным покоем...

Иначе я соглашусь.

Вот она – Джайтра-Победоносная, колесница моя золотая, грудой хлама валится на землю вместе с упряжкой гнедых рысаков.

Вот она... и мне почему-то все равно.

Перед внутренним взором, заслонив Джайтру-калеку, загорается искрой в ночи Свастика. Миродержцы рядом, они готовы помочь, они отдают последнее, и губы мои, пухлые олады, выпеченные из боли пополам с мукой, беззвучно шепчут: «Хорошо... хорошо есть...

и хорошо весьма!...»; руки расходятся в стороны, раскидываются изломанным крестом, падать нельзя, нельзя падать! – и гроза сползается отовсюду к поверженному Владыке.

Гроза.

Моя гроза.

Мама, я больше не могу быть Индрой! – но не быть Индрой я тоже не могу, и поднимаюсь во весь рост.

Мама... мамочка...

Я успел. Свора клочковатых обрывков щенятами кидается под колеса, стелится под гнущую упряжку, и Джайтра плавно опускается в ложбину меж дальними холмами, поросшими кустами ююбы и арки. Где ложится на бок и замирает. Свастика Локапал звенит во мне медным гонгом, я понимаю, что за это придется платить, но любая цена сейчас не кажется чрезмерной; и где-то вдалеке, между «здесь» и «там», шелестит голос Словооблуда, отдающего приказы кому-то... Да, Наставник, я верю – помощь скоро прибудет.

Я верю, и поэтому не стану ждать.

Тело само подается вперед, раскинутые крестом руки ложатся на невидимую поверхность, и подо мной пружинит чудовищный нарыв, волдырь, безобразный нарост на теле Земли... Что там рассказывал Равана? Незримая упругая стена, которая не выпускала его из Преисподней? Я машинально киваю, словно Равана может меня сейчас видеть, и закусываю губу, морщась от жгучей боли. Что бы это ни было, здесь – не Преисподняя, а я – не дохлый ракшас! Суры-асуры, куда катится Вселенная?! Ведь «Нараяна» еще не запущена, да и не действует она ТАК!

Нарыв дергается древесным слизняком, гной внутри него катится волнами, пожирая сам себя, тысячи ног, колес и копыт топчут кровавое месиво, тесто для небывалого пирога... и я вижу Матали. Вон он: ловко лавируя в рядах отступающей пехоты, мой возница пытается уйти в сторону, к холмам, к убежищу Джайтры... Значит, он там, а я – здесь; значит, ему, сутеполубогу – можно, а мне, Владыке Индре – нельзя?!

Гнев лучше любых лекарств.

Жаль только, что после... Я запрещаю себе думать о том, что может случиться после.

И громовая ваджра сама ложится мне в руку.

Взлетев над нарывом, я превращаюсь в огонь и грохот, облив проклятый купол над Курукшетрой бледно-голубыми сполохами.

Окажись внизу Город Слона – столицу должно было разнести по камешку!

Поверхность нарыва на миг становится видимой, молнии размазываются по ней, словно топленое масло по поверхности воды – и гаснут.

Без цели и смысла.

Я убеждаюсь в последнем немедленно, с размаху врезавшись плечом в упругую стену.

Бешенство заполняет меня целиком. Если Вселенной суждено быть разрушенной, то это сделаю я, Владыка Тридцати Трех!

Свастика Локапал, раскаленная добела Жаром всего Трехмирья, бешено крутится перед внутренним взором, превращаясь в метательный диск. Огненные плети молний наотмашь хлещут проклятый нарыв, небо дымится пепелищем от погребального костра, гром лавой течет по горизонту, чернокожий день из всех сил притворяется ночью – а я выворачиваюсь наизнанку, насилюя Свастикку, исходя Жаром, стремясь туда, вниз, на Поле Куру, и чужак внутри меня подставляет плечо, тоже мечтая прорваться; нет – дорваться...

Теперь я чувствовал каждой жилкой: для чужака бой, там, внизу, еще не закончен. Он пришел оттуда, и теперь в бешенстве стремится обратно – зачем, незванный гость?! Скажи мне – зачем; скажи мне – кто ты?! И мы прорвемся, потому что нам обоим позарез нужно туда, в гной и сукровицу, потому что сила всех Восьми Миродержцев сливается сейчас с твоей яростью

в единый бушующий поток – что в Трехмирье способно устоять перед нашим натиском, кем бы ты ни был?!

Двое становятся одним, жизнь становится танцем, танец – огнем, и воды Прародины горбятся волнами-исполинами в Безначалье, откликаясь на зов.

Мы были на грани победы, но что-то отчаянно мешало нам, и вдруг я, на мгновение ощутив себя чужаком, понял: мне мешает тело! Бессмертное тело Индры-Громовержца! Не будь его – я бы уже давно сражался там, внизу, сумев сполна расплатиться...

Безумие?

Откровение?!

Сбросить ненавистную плоть, как сбрасывает змея старую кожу, ставшую тесной! Разбить вдребезги, уничтожить самого себя, оставив лишь чистую, как пламя, сущность – и тогда наш освобожденный дух непременно прорвется, не может не прорваться...

Свастика Локапал меркнет, рывком, единым махом, и, беспомощно кувыркаясь в воздухе, я осознаю, что был на грани самоубийства!

Может ли бог покончить с собой?!

Не знаю. Но проверять не стоило. А вдруг получится?!

Меня спасли Миродержцы, семеро из восьми. Отбросив от проклятого нарыва, прочистив волной Жара разрывающийся на части мозг, заставив чужака отступить и дав Индре возможность прийти в себя.

Чужак потерял сознание, а я обессиленно упал на кошму туч, глядя на безумие Курукшетры.

4

Сражение почти остановилось. На флангах кое-где еще завязывались редкие схватки, но большинство людей прекратило битву, и теперь смертные покидали седла, гнезда колесниц и спины слонов; пехотинцы просто садились на землю, положив рядом оружие.

Испугались того буйства молний, которое я только что учинил? – ничего подобного! Вверх по-прежнему никто не смотрел, словно над Полем Куру светило мирное солнце, а не ярился бешеный Сокрушитель Твердынь. Ослепили они все, что ли?! Впрочем, нет: один из бойцов все же глянул в мою сторону, и я встретился с ним глазами.

С сияющими звездами очей гибкого черного красавца.

На меня смотрел Кришна Джанардана, Черный Баламут, возница моего сына Арджуны и главная аватара брата Вишну!

Черный Баламут весело помахал мне рукой, растянув рот до ушей. Он видел меня, видел! – почему же остальные... И тут чужак во мне едва не выплеснулся наружу. Он ненавидел Черного Баламута всеми фибрами души, ненавидел так, что меня просто сожгло изнутри этой ненавистью. К моему сыну он также не питал нежных чувств, но то, что он испытывал к аватаре Опекуна – о-о, в Индре просто не находилось места для такого пламени!

Пальцы сами собой вцепились в космы тучи, не давая телу сорваться в пропасть. И рассмеялся внизу Черный Баламут, отчего чужак вздыбился белым жеребцом Уччайхшравасом, летучим конем из океанской пены, чье имя плохопроизносимо даже для суров; но вскоре он выдохся и затих, уразумев – бесполезно.

Кришна тем временем перестал обращать на меня внимание – похоже, там, внизу, у него появились более насущные заботы, чем висящий в поднебесье беспомощный Громовержец.

Ох, доберусь я до тебя, Баламут – Трехмирье с овчинку покажется! Вот только КАК я до тебя доберусь?

Подскажи!

Вкрадчивый голос патокой растекся по поверхности нарыва, и мне показалось, что говорят для меня одного, от сердца к сердцу, искренне желая помочь. Но ряды сторонников Баламута дружно задвигались, прислушиваясь, и сразу стало ясно: голос говорит для всех.

– Быстро положите оружие и сойдите с колесниц, о герои! Именно это и есть сейчас средство, предписанное благородным Нараяной для отвращения оружия, носящего то же имя! Спуститесь на землю все вы со своих слонов, коней и колесниц! Только так, если вы будете стоять безоружными, это оружие не убьет вас! Ибо в любом месте, где бы ни сражались воины, дабы предотвратить силу «Беспутства Народа», всюду оно станет сильнее, чем вы! Тех людей, кто бросит оружие и сойдет наземь, не убьет «Нараяна»; но тех, кто будет даже в воображении сражаться против него, оно поразит непременно, даже если безумцы в поисках прибежища спустятся в самую преисподнюю! Внемлите Кришне Джанардане, о достойные!..

И достойные вняли.

* * *

Бронзовый котелок взорвался, повинуясь заключительному выкрику сына Дроны, вода Прародины пролилась на землю Второго мира, и теперь мне оставалось лишь смотреть и молиться непонятно кому, чтобы «Беспутство Народа» окончательно не вырвалось на волю!

Молятся ли боги?

Не знаю. Я вот сейчас молился.

Черный Баламут, кажется, тоже молился. Интересно, кому? Не мне же! Вишну? Самому себе? Ведь он же у нас новоявленный Господь во плоти!

И вдруг я понял, сумев прочесть движения пухлых губ Баламута, что недалек от истины. Кришна декламировал... «Песнь Господа»!

Его сторонники застыли истуканами по всему Полю, глядя прямо перед собой, словно возле каждого из них стоял незримый собеседник; даже не собеседник – бог или святой Гуру, вещая...

Я даже не успел заметить, как мои губы помимо воли начали повторять вслед за Баламутом слова «Песни Господа» – и Индре, Владыке Тридцати Трех, было видение: рядом с каждым истуканом возвышается силуэт Господа Кришны, и воины послушно бормочут слова «Песни...» вслед за призрачными пастырями – как делал это сейчас я!

– Заткнись! – рявкнул я сам на себя, и «Песнь Господа» прервалась, рассеяв черную мару. Но только для меня.

– ...Я выронил лук, отец. Впервые в жизни. Все волосы на моем теле встали дыбом, слабость сковала члены, и я велел Кришне ехать прочь. Совсем прочь, подальше от Поля Куру. Потому что нет такой причины, ради которой я стану убивать родичей. Или пусть он тогда отвезет меня к передовому полку наших соперников, чтобы они прикончили Арджуну. Клянусь, сказал я, что с радостью приму смерть, не сопротивляясь.

– И кто же уговорил тебя вступить в битву?

– Мой возница, – не поднимая головы, глухо ответил Арджуна.

– Черный Баламут?!

– Да. Мой двоюродный брат по материнской линии.

– Каким же образом он смог заставить сражаться отворачившегося от битвы?!

- Он спел мне Песнь Господа.
- И я почувствовал озноб.
- Песнь кого?
- Песнь Господа.
- И кто же он, этот новоявленный Господь?!
- Кришна. Черный Баламут.

Да, это выход! Попав под власть «Песни Господа», человек не осознает себя, полностью и безраздельно отдаваясь Господу Кришне, готовясь выполнить любой приказ, забыв свою варну, имя, долг и сословие. Для него остается единственный долг – повиновение Господу; и одно сословие – верные рабы Кришны.

Закон, Польза и Любовь; но приходит Господь, утверждая: «Я знаю, как надо!», и Польза становится главной – Закон Господа Кришны и Любовь к Господу Кришне ради Пользы Господа Кришны!

Для такого человека «Нараяна» безопасна. Она не тронет его, ибо он уже потерял СВОЙ Путь, вступив на Тропу повиновения!

Безукоризненный расчет! Сторонники Баламута спасутся – поголовно превратятся в бхактов-любовников Черного Гуру. Впрочем, многие наверняка и прежде слышали Песнь Господа... как мой Арджуна, несчастный бывший Витязь. А «Нараяна», не найдя жертвы, ударит по остаткам столичных войск!

На мгновение я восхитился Черным Баламутом: вот ведь, подлец, как все точно рассчитал! Союзников спасти и окончательно прибрать к рукам, врагов – уничтожить их же оружием! И все это одним-единственным ходом – зато каким! Гениально, ничего не скажешь!

Вот только почему он раньше этого не сделал? «Беспутства Народа» дожидался? Воистину беспутство...

5

Тем временем битва внизу окончательно прекратилась. Оба войска в оцепенении застыли на своих позициях (похоже, хастинапурцев тоже кто-то надоумил не спешить с рубкой разоружившихся противников). Лишь всхлипывал и взлетал в поднебесье, чтобы сразу рухнуть обратно, призыв Жеребца, сына Дроны, да еще шуршал по полю вкрадчивый шепоток черных призраков.

Даже слоны и лошади умолкли, внимая пробуждению неведомой силы.

Поначалу я не понял, что произошло – лишь ощутил, что шаткая гармония оцепенения нарушена. Потом мне показалось, что чьи-то кони, не выдержав напряжения, сорвались и понесли колесницу по полю, не разбирая дороги – в сторону сына Дроны, который из последних сил держал «Нараяну» в узде, направляя и приказывая. Но мигом позже я увидел исполина, возвышавшегося на месте возницы, и сразу же узнал сводного брата моего Арджуны.

Бхиму-Волчебрюха⁸, сына Ваю-Ветра, Локапалы Северо-Запада.

Умом Бхима никогда не отличался; похоже, и «Песнь Господа» была этому силачу как тигру попона! И сейчас, вместо того, чтобы разоружиться и смиренно внимать проповеди Господа Кришны, сей «бык среди мужей» – бык и есть! – ломился на своей колеснице напрямик к сыну Дроны.

⁸ Бхима – «Страшный», он же Бхимасена, «Страшное Войско», второй из братьев-Пандавов, носил прозвище Врикодара, т. е. «Волчебрюх» или «Волчья Утроба».

Грозно раскручивая над головой здоровенную палицу – любимую игрушку Волчебрюха. Наперерез безумцу уже неслась колесница моего Арджуны, и Баламут-возница, забыв про «Песнь...», с перекошенным лицом крыл Бхиму на чем свет стоит. Оно и понятно – бык спутал все его планы, пойдя рогами вперед! Сейчас «Нараяна» ударит по герою, и хастина-пурцы уцелеют, а Баламут лишится одного из лучших воинов – уж что-что, а драться Волчебрюх умел!

Вот колесница моего сына секунду идет вровень с упряжкой Бхимы, Арджуна что-то орет брату, но тот в ответ лишь хохочет – и тогда Арджуна прыгает.

Вытянувшись в полете атакующей змеей, мой сын успевает проскочить под размытым кругом, в который превратилась к тому времени раскрученная Волчебрюхом палица. И всем весом рушится на брата, просто-напросто снося его с колесницы! Оба приземляются по другую сторону повозки, подняв целое облако пыли; Баламут натягивает поводья, тоже спрыгивая наземь – и тут всех троих накрывает «Беспутством Народа»!

Так я накрывал Семипламенного, когда в летнюю сушь Агни пожирал леса, сетью из молний.

Пространство вокруг троицы плывет мелкой зыбью. Лицо Бхимы искажает гримаса боли и недоумения, Арджуна же поспешно отпускает брата, расслабившись и прикрыв глаза, пытаясь выйти из-под действия «Нараяны». Кришна же, надо отдать ему должное, остается почти спокоен.

Решился?

На что?!

И над Курукшетрой звенит крик:

– Если числятся за мной хоть какие-то духовные заслуги...

Черный Баламут собирал свой Жар в кулак!

Ответ не заставил себя ждать. Сразу гигантский волдырь вокруг Поля Куру становится видимым, радужно мерцает его оболочка, внутри стужается пелена грязно-серого тумана, но я успеваю разглядеть: всех троих – обоих братьев и Черного Баламута – накрывает почти таким же, только куда меньшим волдырем.

И все: больше не видно ничего.

Там, в тумане-грязи, решалась судьба Трехмирья, а я выжатой тряпкой висел здесь, за границей гигантского кокона, и был бессилен не то что вмешаться – даже увидеть происходящее!

Если хлестать нагую Калу плетью значило бы подгонять Время – клянусь, я пошел бы на это!

6

...туман резко стал редеть, пошел рваными клочьями, да и те вскоре растаяли без следа.

Братья и Черный Баламут были живы. Арджуна помогал Волчебрюху, обалделому от пережитого, добраться до колесницы. До его, Арджуны, колесницы, на которую уже карабкался Черный Баламут, усталый и опустошенный. Едва оба взобрались в «гнездо», Кришна ткнул коней подобранным стрекалом и погнал колесницу прочь.

Не хватало лишь панегириста, чтобы возопил гласом громким:

– И когда страшная мощь того оружия унялась совсем, Бхима-Волчебрюх, одаренный большим умом, казался подобным заходящему солнцу!

Ничего, в будущем – если оно наступит – сыщутся и восхвалители, толпой набегут...

А я все смотрел им вслед – и отказывался поверить в случившееся. «Беспутство Народа» ушло без добычи! Оружие, просто по сути своей обязанное поразить хоть кого-нибудь, иссякло, упустив жертву!

И сделал это Черный Баламут?!

Господь Кришна?!

Воины на Поле Куру медленно приходили в себя, поднимались на ноги, подбирали с земли луки и копья, отыскивали взглядом упряжки, слонов...

И тут от ручья, где находился сын Дроны, вдогонку колеснице Арджуны ударил целый поток огня!

Кажется, я закричал.

Солнце померкло, словно Лучистый Сурья набросил вуаль на свою диадему. Порывы ледяного ветра пронизали все направления; облака на небосводе взгремели брошенными доспехами, испуская дурно пахнущую кровь, и тьма сошла на землю, оставив видимым одно – белая упряжка и гончее пламя следом!

Ревущая лавина с разбега окатила колесницу моего сына – и... брызнула жадными языками, раскрываясь оранжевым лотосом, сжигая все на своем пути. Только теперь стало заметно слабое мерцание ореола вокруг колесницы Арджуны; ореол медленно гас, но свое дело он уже сделал.

Для того, кто мог справиться с «Беспутством Народа», "Агни-Вешья"⁹ – так, детская забава.

Вокруг сотнями гибли рядовые воины, половодье лавы захлестывало позиции союзников Арджуны и Черного Баламута, но я уже не смотрел на это.

Пралая откладывалась.

Пока.

– Ты действительно так считаешь, Владыка? – раздался за моей спиной знакомый голос Словоблуда.

Наверное, вдобавок ко всему я стал думать вслух.

⁹ Агни-Вешья – «То, чей дом – огонь», ближайший аналог – Саламандра. Также одно из тайных прозвищ Рамы-с-Топором, который обучил мантре вызова «Агни-Вешьи» Наставника Дрону, а тот передал знание сыну.

Глава четвертая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗЛОВЕЩЕГО МУДРЕЦА

1

– Увы, мальчик мой, но ты ничего не смыслишь в светопреставлениях, – Брихас смешно наморщил нос, собрался было чихнуть, но раздумал. – Как ракшас разбирается в цимбалах, так ты, Владыка, разбираешься в концах света. Как Дымнознаменному Агни недоступны глубины океанских вод, как мудрому непостижим путь скверны в женщине, как грязному пишачу немыслима прелесть покаяния – так Стогневный Индра, да будет ему всяческое благо...

– Ты собрался написать поэму? – перебил я Словоблуда.

– Нет, мальчик мой, – доступно разъяснил мой собеседник. – Просто я боюсь.

Брихас подумал и бесстрастно добавил:

– Очень.

... Меня до сих пор трясло от пережитого, подогретая сома с толченой корой ньягродхи помогала плохо, если помогала вообще, и жизнь была отвратительной. Особой гранью отвратительности являлось то, что Брихас внимательно слушал меня, ни разу не перебив во время сумбурного рассказа о последних событиях. Я не скрывал ничего: ни разговора с полубезумным Арджуной, ни внезапного бессилия и последующей любовной ночи с Калой-Временем, ни открывшейся мне жизни Гангеи Грозного, ни дурацкого бунта райских демонов и встречи с Раваной-Десятиглавцем, бывшим Бичом Трехмирья...

Впору было поверить в невозможное: я рассказывал, а Брихас слушал, клюя крючковатым носом и скорбно поджимая губы, изрезанные старческими морщинами.

Но дело обстояло именно так.

Это он, дряхлый Словоблуд, рассудительный Сура-Гуру, первым догадался поднять по тревоге дружину и, кулем взгромоздившись на спину белого гиганта Айраваты, кинулся во главе Марутов на помощь своему Владыке. «Свастика истекает кровью!» – это было все, что выкрикнул он дружинникам. И буйные сыновья бури, знавшие лишь одну власть – приказ Индры – не усомнились ни на мгновение. Никогда, никогда прежде старец-наставник не ездил на слонах, а уж склочника-Айравату он обходил десятой дорогой – но пришло время, и даже Маруты-головорезы плохо поспевали за Брихасом, когда он немилосердно терзал стрекалом белую гору Земледержца.

И опять же он первым сообразил: бессмысленно и гибельно кидаться на прорыв, горя мстью, если даже Громовержец, вооруженный всей силой Свастики Локапал, не сумел... не сумел.

Сейчас же мы сидели в саду за южными террасами, под раскидистым пожелай-деревом, измученные и опустошенные. А в кроне над нами исподволь зарождался тихий шелест, и первые плети золотистых выюнков уже заструились вниз, к нам, по шершавой коре ствола.

– Цыц! – бросил я дереву, и оно послушно умолкло. Вовремя: достигни нас нежные усики выюнков, и вскоре мы оба наслаждались бы полной победой над своими врагами, достижением всех жизненно важных целей и ласками красавиц, сотканных из наших грез.

Жаль только, что к реальности это все не имело бы никакого отношения.

Под пожелай-деревья я заботливо сажал свежееубитых кшатриев, героев того неугомонного сорта, которые все норовили удрать из райской Обители, чтобы довершить незаконченные в прошлой жизни дела.

Год-два в сладостном плену व्यонков – и незаконченных дел не остается, душа обретает покой, а характер резко улучшается.

Увы, для меня подобное лечение подходило мало.

Как и для Брихаса.

– Ты лишил меня последней надежды, мальчик мой, – один-единственный व्यонка, самовольно опустившийся на плечо Брихасу, посерел и завял под взглядом Словоблуда. – Пока я не видел тебя, мне казалось, что я просто трусливый старый дурак...

– Лишил надежды? Я? Тем, что не сумел вскрыть нарыв над Курукшетрой?!

«Старый дурак!» – чуть не добавилось в запале.

Вспоминать о поражении было больно.

Во всех смыслах.

– Нет. Это я предвидел заранее... и не устраивай мне разноса – почему, мол, не предупредил?! Зря только силы растратишь. Просто я уже второй день живу в Эре Мрака. Я видел ее начало, и все пытался убедить сам себя – дескать, если постоянно ждать удара, то сонный фазан в кустах покажется тигром... Как видишь, убедить не удалось. Это тигр, настоящий тигр, с клыками и когтями, а фазан давным-давно ощипан и съеден...

– Второй день?

– Да, мальчик мой. Еще тогда, когда я встретил тебя, сонного и растрепанного, у лестницы. Еще тогда, когда ты...

– Когда я стал моргать? И умываться?! Что ты несешь, старик!

– Уймись, Владыка. Не пугай апсар, они ни в чем не виноваты. А для разнообразия, – Брихас извлек из складок своего одеяния маленькое зеркальце с костяной ручкой и протянул мне, – погляди на собственное лицо. Нравится?

Индра из полированной глади смотрел на меня.

Смотрел недоуменно – дескать, чего уставился?

– Смотришь и не видишь, – подытожил Словоблуд с подозрительным блеском в глазах. – Ты вот знаешь, что ныне, присно и во веки веков зрачки у Локапал должны находиться на одной высоте с ушными отверстиями?

Я хотел было спросить, откуда такие сведения – но промолчал. Раз говорит – значит, знает. Тем паче что зрачки у Индры в зеркале располагались явно выше сомнительного канона, сколько ни тяни воображаемые нити от глаз к ушам.

– Опять же лоб, нос и нижняя часть лица – каждая должна равняться в высоту тридцати двум ячменным зернам... Ладно, оставим. Ты изменился, мальчик мой. И изменился не только внешне. Индра, Владыка Тридцати Трех – вечный воитель. Гром и молния во плоти. Молодость и порыв. Индре не положено ни по чину, ни по духу замечать мелочи, оттенки и подробности. А вчера... ты ведь сразу заметил, что я к тебе присматриваюсь?

Он был прав.

Я это заметил.

– Что ты хочешь сказать, Наставник? Что я – не Индра?!

– Ты – Индра. Просто повторю еще раз: ты изменился. А раз это произошло, значит, настал конец света. Вернее, рассветные сумерки Эры Мрака, которые – как тебе наверняка известно – длятся сто божественных лет. Увы, и у Эры Мрака есть свой рассвет. Тебе это не кажется смешным, мальчик мой?

– Не кажется, – буркнул я, ничуть не покривив душой.

Пальцы сами собой тянулись к зеркальцу: поднять, убедиться, что зрачки у меня там, где положено, что ячменные зерна выстроятся на физиономии Громовержца в установленном канонном порядке, и что светопредставление – глупая шутка Брихаса.

– И мне,– вздохнул Словоблуд, закашлявшись всерьез и надолго.– Но, к сожалению, твой позор над Курукшетрой (я чуть было не приложился кулаком к его лысине) – это лишь следствие, а не причина. Чтобы понять мои слова, тебе достаточно лишь задуматься: где в Трехмирье есть место, куда ты со своей ваджрой не смог бы проникнуть?

Я задумался. И едва не подавился сомой. По всему выходило, что такого места нет. Куда Индру не приглашают, туда он войдет без приглашения; куда его не пустят, туда он войдет силой; от венчика лотоса до обители Шивы... да, именно так. Понятное дело, если я силой ворвусь в покои Разрушителя, я по горло обрасту заботами, учитывая любовь Шивы к незванным гостям – но Брихас спрашивал не о последствиях, а о самом факте проникновения!

– Такого места нет,– честно ответил я.

И поправился:

– До сегодняшнего дня не было.

– Было, мальчик мой. Неужели тебе надо напоминать, что даже перун Индры не уязвляет подвижника, сознательно предавшегося аскезе?! Проникни в кокон тапаса вокруг аскета, мой Стогневный, Стосильный и Стонаивный Индра! Попытайся, мальчик мой!

– Не хочешь ли ты сказать...

– Хочу. Потому что некогда я тоже,– Словоблуд грустно ухмыльнулся,– тоже любил Время в корыстных целях. Впрочем, эти вояки на Поле Куру делают то же самое по сто раз на дню, только не знают и не хотят знать... Ах, Кала, Кала, голубоглазая загадка! И твой рассказ о жизни Грозного был для старого Брихаса весьма поучителен. Хотя бы в том смысле, что ваш младший братец Вишну оказался прозорливей прочих – гораздо раньше заинтересовавшись природой Жара-тапаса! Впрочем, о чем это я?! Ведь Эра Мрака тогда еще не началась, а раз так, то Локапалам и в голову не могло прийти раздумывать над природой Жара! Есть? доступен? им можно пользоваться? – суры-асуры, ну и хорошо!

Я попытался представить Курукшетру – верней, чудовищное скопище людей, обуянных желанием убить себе подобного – в качестве аскета-великана, запеленутого в кокон Жара. Воображение можно было изнасиловать самым извращенным в Трехмирье способом, но результат все равно оставлял желать лучшего. Много лучшего. Не свихнулся ли он, мой велемудрый Наставник? Тогда все эти разговоры о рассветных сумерках, ячменных зернах, ушах и зрачках...

Ведь даже превратись Великая Битва в Великого Аскета, существо из миллионов воинов, объединенных «Песней Господа» – кровопролитие останется кровопролитием, а для подвижника закон ненасилия и кротости еще никто не отменял. Иные отшельники во время аскезы даже метелочкой муравьев сгребают, чтоб не раздавить бедняжку... а тут – народишко тысячами валится!

Аскеза?

Побоище?!

Второе явно предпочтительней...

– Ладно,– буркнул Брихас, уныло следя за моими потугами представить непредставимое.– Давай по-другому. Ты говорил, я слушал. Теперь говорить буду я.

И мне на миг показалось: сейчас старый Словоблуд похож на воеводу-предателя, собравшегося разглашать вражескому полководцу сокровенные тайны.

Видение мелькнуло и погасло.

2

– Банальности, мальчик мой, чаще всего оказываются правдой. Если взглядеться пристальной: Вселенная состоит из банальностей. Камешек к камешку, кирпичик к кирпичику; ненависть к ненависти, любовь к любви, голод к голоду и самодурство к себе подобному. Не надо быть великим мудрецом, чтобы знать: что банально, то вечно.

И самая обыденная банальность – Жар.

Тапас.

Ты никогда не задумывался, почему твоего приятеля Яму величают богом Смерти-и-Справедливости? Дело, в общем, не в Яме, а в том, что справедливость для ростка – это смерть семени. И гибель одного мира – всего-навсего рождение другого; большинство живущих просто-напросто не замечает, что, заснув в Трехмирье, они просыпаются в каком-нибудь Двадцати– или Единомирье! Сумерки обступают их со всех сторон, рушатся или возводятся опорные столпы Мироздания, а они натягивают затрапезное дхоти или одеяния раджи и, зевая во весь рот, тащатся вершить свои сиюминутные дела.

Опорожнять чрево, убивать завистника, пасти овец... банальность?

Нет.

Подлинное бессмертие.

Это нам, мальчик мой, любимцам суки-судьбы, к сожалению, зачастую не остается места в новой Вселенной – а им все как с фламинго вода...

Когда Дьяус-Небо уступил престол Митре-Другу и Варуне-Водовороту, сменив безграничность на двоевластие – мир умер и родился. Когда Митра был вынужден уйти в изгнание, а Варуна добровольно опрокинулся сам в себя, из повелителя небес став Океанским Владыкой; когда на их место пришла Свастика Локапал – мир умер и родился. Таяли снега, мужчины любили женщин, обжоры набивали брюхо, змеи грелись на солнышке, боги играли в кости, поочередно выбрасывая то «Кали», то «Быка»; а вокруг тихо умирала Вселенная.

Страдая в муках гибели-рождения.

Величайшая из банальностей – страдание. Любое живое существо, от Локапалы до последнего бхута, подвержено его власти. Желания не спешат исполняться? отобрали кусок лепешки, часть владений или утреннюю звезду? заноза в пятке или угроза власти? Тянусь из последних сил, лью воду на язву, дую на ожог, стремлюсь превзойти... хочу, следовательно, страдаю.

Чувствуешь связь со «страдой», «страстью» или «страстотерпцем»?

Не торопись перебивать, мальчик мой, ибо этим ты причинишь мне страдание, а следовательно, добавишь Жару... Малую толику сокровенной сущности, легчайшего и всемогущего эфира, рожденного из страданий живых существ.

Всех, без исключения.

Именно поэтому Жар доступен всем.

Мать потеряла ребенка? – боль и мука отчаявшейся женщины уходят в ауру Трехмирья, сливаясь с терзаниями узников в темницах, изжогой людоеда, колотьем в больной печени, половодьем безнадежной любви и ожиданием казни.

Наша Вселенная пропитана Жаром насквозь.

Мир создается и разрушается тапасом? О да! – когда желчь страданий переполняет чашу, тогда свершается таинство гибели-рождения.

В нашем Мироздании, в нашем «сегодня» невозможен жестокий узурпатор, способный прибрать все к ногтю! – вернее, он невозможен на долгий срок! Заставляя других страдать,

тиран прибавляет им Жара, и вскоре проклятия страждущих обретают силу отравленной стрелы...

Это – Закон.

Вспомни Змия, вспомни Вихря, вспомни Золотую Подстилку, неистового владыку дайтев-гигантов, или того же Равану, Бича Трехмирья... где они?!

Мучитель вооружает мучимого, ускоряя приход собственного падения.

А теперь я скажу тебе то, о чем решаюсь заговорить лишь перед лицом Эры Мрака. Ни к чему Локапалам вдаваться в тайные откровения, как кшатрию ни к чему знать секреты обрядов и жертв... Увы, мальчик мой, плохи наши дела, если я вынужден обсуждать с Громовержцем природу Жара и смысл аскезы.

Не обижайся – ты ведь тоже никогда не пытался обучить меня владеть громовой ваджрой. Подумай: что ты скажешь о дне, когда Брихаса-растяпу придется делать воином?

Да, я согласен, это будет светопреставление... как сейчас.

Пожалуй, из всей Свастики и Троицы лишь Шива-Стопник понимает унижение и власть аскезы. Подвижник часами стоит на одной ноге, питается отбросами, жжет свою плоть на огне или медитирует в воде по горло; мы же смотрим со стороны и пожимаем плечами. Глупость? Мудрость? Сумасшествие?! Нет: покой и уравновешенность. Аскет избивает молотом меч своей души, он сует его попеременно в пламя и ледяную воду, он травит сталь кислотой и мучит точильным кругом... Сознательная аскеза, сознательное причинение себе физических страданий – лишь она одна способна остановить излияние Жара в общую ауру. Поэтому Жартапас оборачивается вокруг подвижника, как множество слоев банановых листьев создают прочный ствол – и с этого момента даже перун Индры не способен нарушить целостность природы отшельника.

Просто Стогневный Индра со своей ваджрой, созданной из костей мудреца Дадхьянча – часть общего мира, где есть место Индре, ваджре, костям и мудрецам! А аскет – это чистый сгусток Жара-тапаса, зародыш мира нового, такого, где власть подвижника безгранична. Ты бог для всех, а он, даже не понимая этого – бог для самого себя, и ты бессилён вторгнуться в его Вселенную. Сам знаешь: проклятие мудреца безукоснительно для Мировладельца, пламя его взгляда способно испепелить ракшаса или божество... Банальность, мальчик мой, это та мудрость, которую мы разучились понимать.

Привыкли.

И когда аскет в порыве накопления Жара переходит безопасные границы – боги торопятся к нему. Обнаженные апсары крутят перед подвижником своими прекрасными ягодичками, чудовищные ракшасы пытаются его напугать, все сокровища мира горами вываливаются перед ним в грязь... лишь бы соблазнился, испугался, отвлекся...

Лишь бы вышел из своего мира в наш.

А если нет – тогда Брахма-Созидатель спешит к упрямцу со всех ног! Сунуть дар, словно мзду воротному стражнику, осчастливить исполнением желаний, набросить плащ неуязвимости, надеть диадему величия... все, что угодно! Хочет быть богатым? – пожалуйста! Непобедимым? – нате! Занять место Индры или Ямы? – добро пожаловать! Вернись в наш мир, скинь панцирь Жара, перестань грозить основам – а там мы уж подождём, пока накопленный тапас рассосется, и все вернется к прежним устоям!

Иначе птенец подрастет и расколется нашу Вселенную, как скорлупу.

Я не рассказывал тебе... Когда-то был мудрец-отшельник, которого нельзя было соблазнить ничем. На предложение любого дара он отвечал одним: «Мне нравится аскеза ради аскезы!» Нас спас хитроумный раджа Матхуры: явившись к упрямцу, он предложил ему царские подарки. «Я не принимаю подарков,» – буркнул мудрец. «Зато я принимаю,» – нашелся раджа. «Проси! – в запале воскликнул мудрец. – Проси и убирайся!» После чего раджа выпросил половину духовных заслуг аскета, и Вселенная была спасена. Упрямый мудрец бросил

покаяние и убрел неведомо куда, а находчивый раджа... сейчас ты знаешь его под именем Прабхасы, советника твоего старшего брата Варуны.

Такие советники всегда в цене.

Впрочем, я отвлекся. Мальчик мой, там, во Втором мире, на Поле Куру предается чудовищной аскезе подвижник по имени Великая Бхарата.

Зародыш нового Мироздания.

И недалек тот час, когда клюв птенца начнет разносить скорлупу.

Вдребезги.

3

– ...Перемены, – помолчав, хрипло бросил Брихас; словно выругался. – Польза идет на смену Закону, птенец стучится в наши двери, души мечутся в саркофаге краденого Жара, «Беспутство Народа» уходит голодным, а Черный Баламут смеется над нами! И из его глаз глядит маленький шутник Вишну-Опекун, вознамерившийся взять всех под свою Опекунство... ненавижу!

Я молча отхлебнул сомы.

Остыла. И вкус мерзкий.

Внутри меня бурлило, в отличие от сомы никак не желая остывать, новообретенное знание. Я изрядно поумнел со вчерашнего рассвета, я безнадежно ободрался самыми разнообразными сведениями, и сознание Индры-Громовержца готово было разразиться рвотой. Новое распирало меня, пенясь и пузырясь, как недобродившее сусло, и так же, как сусло, ему не хватало огня и холода, чтобы превратиться наконец в крепкую хмельную суру, жаркой прочищающей волной ударить в голову, даря то понимание, что сродни опьянению...

Умница, Владыка, красиво изложено! – и не забудь: за опьянением неизбежно следует похмелье.

– ...конечно, попытка использовать «Нараяну» была безумием, но... Прости, мальчик мой, но я понимаю своего правнука! На его месте я бы, наверное, тоже...

– Правнука?!

Забыв об этикете, я удивленно прервал Наставника. И Брихас даже не одернул меня – и впрямь треснул фундамент Мироздания, если Словооблуд...

– Какого еще правнука, Брихас?!

– Моего, – отдельно и внятно, как ребенку, объяснил мне Словооблуд. – Жеребец-Ашваттхаман, решившийся на «Беспутство Народа» – сын Дроны, Брахмана-из-Ларца. (Я согласно кивнул.) А Дрона – плод семени Бхарадваджи-Жаворонка... помнишь, был такой мудрец? (Я снова кивнул, на мгновение задумавшись и пропустив мимо ушей странный акцент на словах «такой мудрец».) Ну а Жаворонок – мой сын. Родной. Кстати, он сейчас здесь, в Обители.

Ну и ну! Нет, я раньше слыхал, что у моего Словооблуда есть младший братец, который скитается по земле в облике буйнопомешанного, приняв на себя имя Самварта, то есть Сам-Себе-Страж; но о сыновьях мне слышать не доводилось.

– Очень интересно! Если он здесь, почему я его до сих пор не видел? И где он пропадал, твой непутевый сынок, что ты не спешил мне рассказывать о его духовных подвигах?!

– А я его проклинал, – рассеянно сообщил Брихас. – И велел не являться мне на глаза. Никогда.

– Ишь ты! Уж больно ты грозен, Наставник, как я погляжу... А он, послушник, взял и явился?

– Ты прав, мальчик мой,– Словоблуд был серьезен, как на похоронах (странное сравнение, особенно для меня, но другого на ум не пришло).– Впрочем, мой гнев давно остыл, а Жаворонок может сообщить нам нечто важное.

– Ну хорошо, пусть сообщает. Где он?

– Здесь, Владыка,– чуть насмешливо булькнуло от балюстрады, что опоясывала ближайшую террасу.– Иду, иду... спешу...

Бульканье принадлежало плешивому толстячку, счастливому обладателю тоненьких палочек-конечностей. Этаким паучок-здоровячок, которого судьба лишила части лапок, взамен облачив в пестрый засаленный халат, разошедшийся на объемистом животике. Позади него (человечка, а не халата!) двое моих гандхарвов с видимым усилием волокли здоровенный кожаный тюк. При виде меня гандхарвы, к переноске тяжестей приспособленные плохо, с облегчением свалили тюк в траву рядом с мудрецом, почтительно хлопнули крыльями – и резво умчались в горние выси.

Отдыхать.

– Позволь представить тебе, Владыка, моего сына Жаворонка, о котором я имел честь тебе рассказывать,– в другое время Словоблуд растянул бы представление минимум на полчаса, но сейчас я был благодарен Наставнику за краткость.

Которая, говорят, родная сестра добродетели.

– Почтительно приветствую Владыку Тридцати Трех,– Жаворонок также был краток; но поклон его, со сложенными у лба ладошками-черпачками, будучи коротким, выглядел вполне уважительно.

– У нас найдется еще одна чаша, Наставник? – поинтересовался я, разглядывая блудного Брихасова сына.

– Разумеется, Владыка! Обитель не бедна чашами...

– Тогда, достойный сын достойного отца, я приглашаю тебя присоединиться к нам. Кажется, в кувшине еще что-то осталось...

Жаворонок не заставил нас просить его дважды. Паучок подхватил тючок (который перед этим с трудом волокла парочка гандхарвов!), семена и косолапя, мигом оказался под нашим пожелай-деревом, и с благодарностью принял из моих рук чашу священного напитка.

На Словоблуда он был похож примерно так же, как и я.

Даже меньше.

– Давай, сынок, расскажи Владыке Индре то, что рассказал мне сегодня утром,– сладко протянул Брихас.

Не знаю, что там напел Жаворонок Словоблуду сегодня утром, но меня, как ни странно, интересовал еще один вопрос.

Который я, со свойственной мне тактичностью, не замедлил задать мудрецу:

– А заодно просвети меня, скудоумного: как тебя угораздило схлопотать проклятие Слово... твоего отца?

На удивление, Жаворонок нимало не смутился.

Не умел?

– Изволь, Владыка,– булькнула сома в чаше, и я не сразу сообразил, что ответ уже начался.– Тем более, что история отцовского проклятия имеет самое непосредственное отношение к дальнейшим событиям. Дело в том, что молодости...

Молодости свойственна гордыня. Гордыня и самоутверждение – как в собственных глазах, так и в глазах других. Впрочем, у иных счастливых этот период затягивается, проявляясь и в более зрелом возрасте. Именно к таким людям относился и Жаворонок, первенец Наставника Богов – не он один, конечно, но сейчас речь шла о нем.

Сын Брихаса, сам известный брахман, в совершенстве изучивший Святые Веды с комментариями, знаток обрядов, наделенный многочисленными духовными заслугами и успевший между делом продолжить свой род – казалось бы, чего еще желать?!

От судьбы кукиш?!

Но Жаворонку этого было мало. Любопытство и тщеславие, помноженные на острый ум и изрядные знания – гремучая смесь! Еще тогда, когда его собственному первенцу едва исполнилось два года, Жаворонок задумал смелый, но весьма опасный (как позже выяснилось) опыт.

Вопрос: возможно ли достичь совершенного знания Вед, не прочтя ни строчки Писаний, не заучивая их со слов учителя – а добившись всего одной лишь аскезой и подвижничеством?

Ответ: неизвестно, а узнать хочется.

Ставить сей замечательный опыт на себе было поздно – Веды Жаворонок, к его вящему сожалению, уже успел изучить. Зато на сыне-младенце...

Задумано – сделано.

И с младых ногтей сын Жаворонка, несмотря на робкие протесты обеспокоенной матери, предается жесточайшей аскезе под руководством отца. Предельная умеренность в пище, регулярные посты, изнурительные медитации, ледяные обтирания, многодневное стояние на одной ноге... да мало ли что еще способен изобрести изощренный ум мудреца-родителя!

Мальчик, а позже юноша терпеливо выдерживал испытание за испытанием, искренне убежденный – папа лучше знает, в чем его благо!

Шли годы, и великое подвижничество сына Жаворонка начало потихоньку расшатывать основы Трехмирья – уж больно много накопил прилежный аскет Жара-тапаса!

Первым к нему явился бог Агни и, сверкая пламенной улыбкой из рыжей бородачи, спросил юношу:

– Итак, мой дорогой, чего ты желаешь за свои духовные подвиги? Говори, не стесняйся!

– Желаю в совершенстве познать Священные Веды, – по наущению отца отвечал юноша.

– Ну так изучи их! За чем дело стало? – искренне удивился тот, кто ездит на агнце и вместо знамени возносит к небу дым. – Ты чего, парень, неграмотный?

– Ты не понял меня, Всенародный, – почтительно поднес ладони ко лбу отрок-подвижник. – Я хочу получить доскональное знание Вед сразу, как дар за мое подвижничество!

– Лоботряс! – рассердился Агни. – Ишь, придумал! Проси чего-нибудь другого, а Веды, уж будь добр, учи, как все.

И покинул во гневе Всенародный Агни ашрам сына Жаворонка, а юноша вновь предался медитациям и истязанию плоти.

Через год-другой явился к нему бог Индра, Владыка Тридцати Трех (как же, помню – являлся...). И история повторилась в точности. Громовержец удалился, раздраженно брызжа молниями, а юный упрямец остался продолжать аскезу.

Прошло еще некоторое время – и начала плавиться земля вокруг сына Жаворонка от обилия духовных заслуг. Зыбкими становились очертания деревьев близ его ашрама, и мелко дрожали видимые на горизонте горы – словно в страхе перед явившейся им небывалой мощью.

И тогда пришел к молодому отшельнику сам Брахма-Созидатель, обратясь к юноше с такой речью:

– Аскеза твоя, достойный подвижник, колеблет основы Вселенной, которую я создал. Проси у меня любой дар – и я исполню твое желание. Хочешь стать бессмертным? Хочешь

навсегда поселиться в моих райских мирах? Может быть, ты хочешь познать любовь небесных апсар и дружбу Миродержцев? Проси! Ты заслужил.

На миг заколебался юноша. Райские миры Брахмы и пышногрудые апсары, как живые, возникли перед его взором – но тут же на ум пришел суровый голос отца: «Помни мои слова, сын! Помни, ради чего столько лет предавался ты жесточайшей аскезе! Неужели сейчас все пойдет прахом, и ты дашь увлечь себя сиюминутными удовольствиями?!»

И молодой отшельник твердо посмотрел в мудрые глаза Созидателя, ответив Брахме:

– Мое желание, Четырехликий, неизменно – получить полное знание Священных Вед и комментариев к ним. А также...

Он помолчал и твердо добавил от себя, хотя Жаворонок не просил об этом сына:

– А также я прошу для отца моего, обильного добродетелями Жаворонка, победу над всеми соперниками во владении священным знанием. Иначе я продолжу аскезу.

Увы! – ничего не осталось Созидателю, как исполнить волю юноши.

Доволен был Жаворонок, доволен был на первых порах и сын его, получив желаемое. Но недолгой была радость от приобретенного Знания. Обуяла юношу гордыня, и стал он похваляться своими заслугами перед другими мудрецами и подвижниками, считая их ниже себя и всячески стремясь посрамить. А потом, как рассказывали все те же мудрецы все тем же подвижникам, и до подлых козней, недостойных дваждырожденного, опустился он – за что и был вскорости жестоко наказан, проклят святым аскетом и умер злой смертью. А поскольку весь Жар свой истратил юноша на получение дара от Созидателя, то оказался лишен духовных заслуг, и дорога в райские миры была ему заказана.

Узнав об этом, Брихас, дед юноши-бедолаги, в сердцах и сам проклинал своего сына за такие опыты над семенем собственных чресел.

Велел он Жаворонку скрыться с глаз долой и более никогда не попадаться на отцовском пути...

* * *

– К сожалению, даже проклятие отца не вразумило меня, – задумчиво подвел итог толстый Жаворонок, потянувшись к чаше. – Я решил продолжить свои опыты – и опять-таки на собственном потомстве, считая недостойным рисковать посторонними людьми! Впрочем, я долго колебался, но ко мне явился сам Опекун Мира и всячески поддержал мою затею!

«Вот и добрались! – зарницей полыхнуло у меня в мозгу, мигом вызвав в памяти историю сотворения Опекуном красавицы Сатьявати, предназначенной в жены Грозному. – Ну-ка, ну-ка, интересно, что еще успел натворить братец Упендра за прошедшие годы?! Пой, Жаворонок, щебечи, чирикай...»

– Короче, мы с Опекуном решили попытаться слить воедино достоинства высших варн. Вырастить брахмана-воина, который ничем не уступал бы знаменитому Раме-с-Топором, дальнему потомку Ушанаса, Наставника Асуров. А то что ж это получается? У Ушанаса потомок вон какой, а у благородного Брихаса, Наставника Суров? Непорядок! Чем наш род хуже?

– Род, значит, решил прославить? – проскрипел Брихас, в упор глядя на оживившегося сына. – Ну-ну! Прославил, сынок, или как всегда?..

Жаворонок осекся на полуслове и ткнулся взглядом в опустевшую чашу, словно сбитый влет.

– Ладно, не о том речь. Сделанного не воротишь, а Владыка ждет продолжения, – Слово-блуд не то чтобы сменил гнев на милость, но молчание явно начало становиться тягостным.

– Как скажешь, отец, – сухо отозвался Жаворонок. – Идея совмещения варн была моей, а Опекун предоставил мне возможности и помогал советами. Думаете, легко сотворить младенца, одинаково расположенного к постижению Веды Гимнов и Веды Лука?! Так появился на свет мой второй сын Дрона, по прозвищу Брахман-из-Ларца. Кстати, Владыка: знаешь, почему его так прозвали?

– Делать мне больше нечего, кроме как собирать все сплетни Трехмирья! – говоря это, я почти не соврал.

– Он был зачат непорочно, без соития. Мое семя и детородный сок женщины, подобранной Вишну-Дарителем, были соединены в специальном бамбуковом ларце с... ну, скажем для простоты, с топленным маслом – где и развивался зародыш, пока... Впрочем, это уже не суть важно. Важно другое: он был не единственным, кто родился таким способом и с такой же целью. Просто поначалу у нас далеко не все получалось.

– У нас? У тебя с Опекуном – или ты имеешь в виду кого-то еще?

– Кого-то еще, Владыка. Для подобных мне, тех, кому ответ на вопрос важнее полной сокровищницы или райского блаженства, – для нас в Вайкунтхе по приказу Опекуна выстроили отдельную обитель. Вишну, склонный к высокопарности, нарек ее «Приютом Вещих Мудрецов»... Но мудрецы ведь тоже иногда любят пошутить! Вскоре на самшитовой табличке, украшавшей вход, появился лишний знак; и эта поистине роскошная, но совершенно бездарно выстроенная обитель превратилась в «Приют ЗЛОвещих Мудрецов». Опекун побурчал и угомонился, а название приклеилось навсегда!

Жаворонок хитренько усмехнулся, вспоминая давнюю проделку, и я заподозрил его в авторстве этой сомнительной шутки. Но почти сразу любознательный сын Брихаса стал серьезным и даже погрузнел.

5

– К сожалению, Владыка, тот, кто это придумал, оказался прав. Тогда мы даже не подозревали, чем закончатся наши ученые изыскания. А ведь какими благими помыслами мы руководствовались!

Мы пытались научиться производить потомство с заранее заданными свойствами. Результата, для которого требовались многие поколения предков, свято блюдущих чистоту варны, мы намеревались достичь сразу, единым прыжком перемахнув через пропасть времени. И у нас получалось!

Мы постигали истинную природу Жара-тапаса, пронизывающего все Трехмирье – успев многого достичь и здесь! Ракшасы-горлохваты, которых ты видел в Вайкунтхе, Владыка – думаешь, это только охрана? Да, и охрана тоже, но главное – это была руда, из которой мы выплавляли металл знания! Страдания тела и души источают Жар, как весенний слон выделяет муст из трех отверстий? – отлично! Стало быть, необходимо выяснить, какие именно муки дают наибольший выход Жара! Ведь это так просто – чем больше тапаса накапливает грешный ракшас во время пребывания в малом аду Опекуна, тем дольше терпит его Вайкунтха! А если кто-то из нас жертвовал одному из этих бедолаг часть своих заслуг (пробовали и такое!) – то ракшас мигом исчезал, уходя на новое прерождение.

Дареный Жар искупал остаток былых грехов и давал людоеду возможность начать жить заново во Втором мире.

Мы выяснили, что грешник в Нараке не в состоянии выйти из Преисподней, пока не искупит страданиями львиную долю своих прегрешений. Точно так же, для перехода с земли

на небеса нужно обладать определенным количеством заслуг – причем неважно, твой это Жар или им поделились с тобой...

Любопытство захлестывало нас пенным прибоем, и наши познания множились. Опекун Мира сиял от счастья, годы летели мимо – но когда, не помню уж сколько лет назад, один из «Зловещих Мудрецов» собрался отлучиться во Второй мир по делам, выяснилось: из «Приюта» его не выпускают те же ракшасы!

Охранники стали тюремщиками.

Вскоре явился Опекун и долго успокаивал нас, объясняя: все делается для нашего же блага. Дескать, во Втором мире сейчас – большая смута, никто на земле не может чувствовать себя в безопасности, а ему бы очень не хотелось подвергать угрозе мудрецов-избранных. Но это, мол, временно, скоро он, Опекун, наведет на земле порядок, и вот тогда...

И то сказать: мы действительно жили в раю! Нужда обходила нас стороной, все прихоти мигом исполнялись – чего еще желать? Исследуй тапас, проколы сути, принципы варн – пожалуйста! Целая армия помощников, архивы с любыми мантрами и преданиями прошлого – все было к нашим услугам. Хотите отдохнуть? Уединиться с апсарой? Испить сомы или даже крепкой гауды? Пожалуйста! Жизнь прекрасна – если не пытаться уйти...

Вот тогда-то злоязыкий подвижник, о котором я уже упоминал, назвал наш «Приют...» «Шараштхой» – «Спасеньищем», или «Спасением насильно».

Очень точно подмечено, надо сказать.

Некоторое время мы продолжали работать над духовными изысканиями, но в воздухе уже витал подозрительный аромат жареного – да простит Владыка грубый каламбур! А вчера...

Протяжный, жуткий, полный невыразимой муки вопль потряс Вайкунтху сверху донизу. Мудрецы даже не сразу поняли, что это кричит не истязаемый ракшас – ракшасы так кричать не могут.

– Почему-у-у-у?! Почему-у-у-у?! – безнадежным волчьим воем метался над райской обителью крик Опекуна Мира. – Почему они еще держатся?! Почему не сдаются?! Не могу-у-у!!! Не могу-у-у больше!!!

И, содрогаясь от вопля смертельно раненой твари, вложенного в уста утонченного божества, Жаворонок понял: дело плохо. Совсем плохо. Надо бежать отсюда, пока не поздно. А, может быть, УЖЕ поздно. Но бежать надо в любом случае.

Таскать лепешки из огня тайн ради безумных затей свихнувшегося Опекуна Жаворонок больше не собирался.

* * *

– Дальше все было просто, – вновь заговорил сын Брихаса, переведя дух. – Сегодня утром, когда ракшасы едва не взбунтовались и оставили «Шараштху» без присмотра, я прихватил часть отобранных заранее архивов – и потихоньку, стараясь не попадаться на глаза, направился к воротам. А тут как раз вы с Гарудой объявились. Я-то не ракшас-недотепа, я тебя, Владыка, сразу узнал! Ну и, пока сыр-бор – рванул путями сиддхов сюда, в твою обитель. К отцу своему. Знаю – виноват. А куда мне было еще податься? Прибыл, говорю: «Прости, тятя, и не спеши с очередным проклятием...» – помешали договорить. Прервали на полуслове. Гонец с Поля Куру явился, весь в мыле, блажит – там «Беспутство Народа» вызывают! Хорошо, что я тебя видел, Владыка, знал, где искать! Короче, отец мой возницу за тобой погнал, а сам стал с Локапалами связываться... Вот и все, собственно.

– Понятно, – мрачно резюмировал я, хотя понятно мне как раз было далеко не все. – Значит, братец Вишну одной Великой Бхаратой не ограничился! Брахманов-драчунов выращивал, Жаром-тапасом интересовался... А про эти... как их?... проколы сути – ты мне потом еще расскажешь! Тоже, небось, пакость...

Я на мгновение запнулся, собирая разбегающиеся мысли, и обнаружил: Брихас с его перелетным Жаворонком уставились на меня с неподдельным интересом и внимательно слушают. Ну да, еще бы – Индра-Громовержец думать изволят! Да еще и вслух!

Ну ладно, сейчас я вам...

– В общем, ясно одно: то, что ничего не ясно. Как ты говорил, Брихас? – зародыш-аскет по имени Великая Бхарата? Ох, намудрил Упендра, намутит Баламут, а я расхлебывай... с какого конца хлебать станем?! Я, по крайней мере, не знаю. И, судя по выражению твоего лица, ты, Брихас, тоже!

Словоблуд утвердительно кивнул.

– Дальше, Индра, говори. Мы слушаем, – прошептал он.

– Да что тут говорить! Братец Вишну вон как подготовился: и чужой Жар лопатой гребет, и «Песни Господа» распевает, и Мудрецов Зловещих целую свору себе набрал, чтоб советами подпирали! А я с бхуты-бхараты, как щенок в водовороте... и времени у меня с гулькин нос! Слушают они меня, видите ли, брахманы драные!.. Лучше б разъяснили: зачем Упендра империю сколачивал?! Чтоб положить всю на Курукшетре?! Ежели ему большая война требовалась – так овчинка выделки не стоила! Стравил бы тот же Хастинапур с южанами, потом союзники, соседи, то да се – никак не меньше рубка получилась бы! И пел бы им всем Баламут «Песнь Господа» на здоровьице! Ан нет, далась ему зачем-то эта самая Бхарата! И вот если мы узнаем – ЗАЧЕМ; узнаем, КАК он все это себе мыслил, каким краем к бойне и «Песни Господа» лепятся Брахманы-из-Ларца – вот тогда, быть может, и поймем, что нам теперь с этим «зародышем» делать. Ясно?!

Я тяжело выдохнул и отер лоб тыльной стороной ладони, смахивая проступившую испарину. Нет, все-таки нелегкое это дело – думать, да еще и мысли свои вслух излагать так, чтоб другие поняли... пусть даже и мудрецы!

Зловещие.

– Велика твоя прозорливость, о Владыка! – Словоблуд без видимой причины взвился клонутым в седалище фазаном; и сразу перешел на обычный тон. – Нет, честно: хорошо сказано. Теперь я абсолютно уверен в конце света.

– Отец, помнишь, я говорил про часть архивов «Шараштхи»? – похоже, сегодня Брихаса перебивали все, кому не лень, и Словоблуд махнул на это рукой. – Там как раз собраны все записи, относящиеся к первой половине жизни нашего Дроны («Нашего?») – возмущился было Словоблуд, но умолк). Достать?

– Доставай! – обрадовался я. – Раз Пралая на дворе – что нам терять? Просветимся, голубчики!

– Делать что-то надо, делать! – Словоблуд был отчетливо недоволен, а я чуть не расхохотался: Индра-Громовержец собирается читать всякие архивы, а мудрый Наставник призывает к действию!

Светопреставление...

– Вообще-то я мог бы и сам рассказать все, что вы сочтете существенным и достойным внимания... – обиделся Жаворонок, но на этот раз пришел черед Брихаса оборвать сына.

– Будет лучше, сын мой, если ты поможешь нам отыскать нужные записи. А уж мы с Владыкой Индрой как-нибудь сами поймем, что в них существенно и достойно нашего внимания, а что нет, – и Словоблуд тайком подмигнул мне.

А я улыбнулся ему в ответ.

Жаворонок, не дожидаясь дополнительных указаний, уже сопел, развязывая тесемки своей поклажи. Интересно: это мудрые мысли такие тяжелые, или птичка статую Опекуна в клювике уволокла?

На память?

И как он эту громадину в одиночку от самой Вайкунтхи пер?!

– Ничего себе! – изумился я, когда нашим глазам предстали огромные кипы пальмовых листьев, аккуратно перевязанные кожаными шнурками. – Это ж прочесть – юги не хватит!

– Хватит! – успокоил меня Брихас. – Куда спешить? – все равно скоро накроемся дырявым Атманом...

Я только вздохнул, устраиваясь поудобнее под пожелай-деревом, и приготовился слушать.

– Так, здесь первые результаты... – Жаворонок проворно выхватил связку пыльных листьев, ничем не отличавшуюся от прочих, и принялся возиться со шнурком.

Словоблуд отобрал у сына добычу и мигом расправился с хитрым узлом. После чего молча уставился в первый лист, и до меня не сразу дошло, что Наставник уже читает.

Про себя.

А заодно – и про своего внука Дрону.

– Вслух читай, – подал я голос.

– А? – дернулся Брихас. – Вслух? Ну да, конечно!..

6

Любить Калу было гораздо приятнее, но у меня не оставалось выбора.

Книга вторая НАСТАВНИК ДРОНА ПО ПРОЗВИЩУ БРАХМАН-ИЗ-ЛАРЦА

Якиш спросил:

– Что есть святыня для брахманов? В чем их Закон, как и других праведников? Что им свойственно, как и прочим людям? Что равняет их с нечестивыми?

Царь Справедливости ответил:

– Чтение Вед – их святыня, подвижничество – их Закон, как и других праведников. Смертны они, как и прочие люди. Злословие равняет их с нечестивыми.

Махабхарата, Книга Лесная, Сказание о дощечках шами, шлоки 30-31

Часть первая ДИТЯ

Одни уже изложили это сказание, некоторые теперь повествуют, а другие еще поведают его на земле. Украшенное благостными словами, божественными и мирскими предписаниями, различными поэтическими размерами, оно дарует спасение и приятно для знатоков.

Глава первая ПТЕНЕЦ ЧРЕСЕЛ МОИХ

Дневник Жаворонка,

13-й день 2-го лунного месяца,

Брихаспати-вара¹⁰, полночь.

1

Папа, почему я вспомнил тебя именно сегодня?

Вайкунтха спит, отдавшись блаженному, истинно райскому забытию: апсарам снятся ласки, праведникам – тексты Писаний и победа в диспутах, ракшасам-охранникам грезится кусок парного мяса, и они довольно всхрапывают, пуская слюни; а я сижу на балконе, склоняюсь над пальмовым листом, и вижу тебя. Нет, не таким, каким ты был в скорбный день проклятия, а обычным – лысым, насмешливым, вечным стариком, похожим на самца кукушки... Меня можно назвать Жаворонком лишь в шутку, а ты и впрямь всегда напоминал птицу, мой строгий отец, Наставник Богов, живущий размеренно и неторопливо.

Не уходи, папа, останься хотя бы видением, хоть на миг!.. обожди, я сейчас успокоюсь. И не стану заводить прежних разговоров, из которых все равно никогда не выходило ничего хорошего.

В детстве я очень хотел быть достойным тебя, Божественный Гуру, снизошедший до смертной женщины; и мама всегда вспоминала тебя с благоговением. Тишайшая из тихих, она радовалась каждому твоему приходу, сияя от счастья и стараясь прикоснуться к тебе по поводу и без повода. Так радуются домашние животные... прости, мама, я всегда был зол на язык. Прости, я люблю вас обоих, хотя поначалу изрядно побаивался старика, которого ты велела называть отцом.

Впрочем, одно воспоминание клеймом врезалось в мозг: я маленький, лет пяти, не больше, мне снился страшный сон, я бегу к маме... а маму душит здоровенный детина, мышцы

¹⁰ Брихаспати-вара – четверг, «День Юпитера»; 2-й лунный месяц: 22 апреля – 22 мая.

на его спине вспухают валунами, он рычит тигром, и мама стонет под ним, я боюсь, я маленький, я очень боюсь – и прихожу в себя лишь во дворе.

Страшный сон забывается раз и навсегда; а увиденному суждено остаться со мной. Сегодняшнему Жаворонку смешно, когда он вспоминает былой страх и тебя, папа, просто-напросто сменившего облик для ночи любви; а мальчишка во мне по сей день захлебывается ужасом, и так хочется погладить его по голове, успокоить, утешить...

Увы, это невозможно.

Ты проклял меня за опыты над собственным сыном, папа – ты ничего не понял. Потому что я тебя боялся, а мой сын меня любил, любил искренне и самозабвенно, отдаваясь во власть целиком, без остатка... ты плохо умеешь отдавать, папа, и я плохо умею это, а твой внук умел.

Что ему Преисподняя, если он был взращен молоком аскезы и подвижничества?.. а все-таки Веды можно изучить, мой мудрый Наставник Богов, не прочитав ни единой строки!

Можно!

Да, вы все считаете, что гордыня обуяла сына Жаворонка, что встал он на путь козней и совращения чужих жен, обрета гнев и проклятия святых мудрецов...

Праведные, видели ли вы виденное мной; обладаете ли вы моим знанием, которым я не спешу делиться с вами?!

...я стремглав выбежал из дома, едва успев закончить возлияние молока в огонь.

Мой мальчик корчился у порога. Растерзанный, как мне сперва показалось, в клочья. Он пытался что-то сказать, но язык уже не повиновался ему, и кровь хлестала изо рта, заливая мне ноги. Слепой привратник-шудра – я содержал его из милости, за верную службу в прошлом – беспомощно топтался рядом.

– Господин! – бормотал слепец, заламывая руки. – Господин, я... вы велели никого не пускать, господин!

Последним я заметил демона. На дворе стояло утро, а в дальнем углу двора приплясывал людоед-Нишачар, «Бродящий-в-ночи», и довольно ухмылялся слюнявым ртом. Это было невозможно; но это было именно так. Могучее тело Нишачара на глазах становилось прозрачным, в нем плавали стеклисто-багровые паутинки... и вскоре ветер развеял остатки призрака.

Я склонился к умирающему сыну.

– Рай... – прохрипел он.

– Ты хочешь в рай?! – глупо спросил я, собираясь поделиться с ним собственным Жаром. Он закашлялся, обрызгав мне грудь кровавой мокротой.

– Райбхья... – это слово стоило ему остатка сил.

Я стоял над трупом своего первенца. Я знал, что означает имя Райбхья. Так звали нашего соседа, приторно-вежливого брахмана, который давным-давно отошел от совершения обрядов, помешавшись на закланиях и искажении Яджур-Веды. Правильней было бы именовать Райбхью ятудханом, темным колдуном, но раньше мне не было дела до чужих извращений – а остальные считали моего соседа кладезем достоинств.

Соседей и нужных людей Райбхья предусмотрительно не трогал.

Жар окутал меня пылающим облаком, и правда открылась сбитому влет Жаворонку, прийдя из ничего.

Жена Райбхьи, измученная полусумасшедшим мужем, как-то обратилась за помощью к моему сыну. И он, ведомый состраданием, рискнул указать Райбхье на недостойность его поведения. В отместку брахман-ятудхан вырвал из своих волос две пряди, превратив одну в копию собственной жены, а вторую – в убийцу-Нишачара. Ложная супруга заманила моего сына в западню, осквернив запретным прикосновением и выкрав единственный сосуд с водою, чем отдала мальчика во власть Бродящего-в-Ночи.

Он бежал ко мне, стремясь совершить очистительное омовение и спастись – а слепой привратник отказался пускать в дом кого бы то ни было.

Согласно приказу хозяина.

Шутка судьбы?

Над телом сына я возгласил свое проклятие. Сын проклятого Райбхьи спустя день убил в лесу отца-ятудхана, пристрелив его как собаку; а рассказы о том, что второй сын Райбхьи воскресил батюшку-праведника и снял грех отцебийства со старшего брата – ложь!

Странно: чаще всего верят именно в ложь...

* * *

Сегодня твой день, мудрый Брихас, отец мой; сегодня дважды твой день, хоть ты сам этого не знаешь. Несмотря на полночь, несмотря на то, что жить твоему дню осталось минуты, не более... Жить? Осталось? Да, папа, мне всегда было трудно понять, как можно жить твоей жизнью! Все зная наперед, ни на шаг не отклоняясь от намеченного пути, с заранее припасенным ответом на любой вопрос – скажешь, я заблуждаюсь? Скажи, папа, и я соглашусь с тобой. Просто ты складывал вопросы без ответов в аккуратную кучку и раз в месяц выбрасывал прочь. Возможно, это правильно, или это правильно для тебя, но меня всегда мучил зуд неизведанного! – и я чесался вместо того, чтобы терпеть и не обращать внимания.

Брихас, отец мой, почему мы такие разные?! Моим именем не назовут день недели даже безумцы, но разве дело в названиях?

Для тебя бытие – драгоценность, оставшаяся в наследие от предков, хрупкая вещь, которую надо бережно хранить и в лучшем случае стирать с нее пыль. Мягкой, слегка влажной тряпочкой, в благоговейном молчании... И упаси нас все боги разом пытаться влезть в наследие потными лапами, там дернуть, тут потянуть, заплатить цену и узнать новое! Новое – это хорошо забытое старое, а по назойливым лапам положено стегать молодым бамбуком. Пока не привыкнем отдергивать; от всего – нового, старого, любопытного, удивительного...

Возможно, я не прав.

Я даже наверняка не прав.

Но я не могу жить как ты, папа. Проклинай дважды или трижды – не могу. Я только могу сидеть на балконе, ждать обещанного Опекуном часа и вести с тобой бессмысленную беседу, марая пальмовые листья, один за другим, один за...

Сегодня мой день; и твой тоже, но он заканчивается, и полночь фыркает снаружи, прежде чем уйти.

Меня всегда забавляло, что на смену дню Брихаса-Словоблуда, четвертому в неделе, идет день насмешника Ушанаса, твоего любимого врага, твоего заклятого друга, Наставника Асуров! Вы соседствуете рядом, плечом к плечу, дни четвертый и пятый, соприкасаясь гибелью полночи и рождением зари. Вы отделены друг от друга зыбкой чертой, реальной только для Калы-Времени – но звезды движутся на небосклоне, и вы утверждаете разное, споря и не соглашаясь...

Впрочем, как всегда.

Ваши дни даже изображаются похоже: человек восседает на водяной лилии, только в первом случае Наездник Лилий обладает желтой кожей, а во втором – белой. О, Наставники, ваши знаки сулят новорожденным обилие благ! Вы щедры, но Ушанас более щедр для кшатриев-воинов: младенец под его покровительством будет обладать способностью знать прошлое, настоящее и будущее; также он возьмет много жен, распахнет над собой царский зонт, и другие

цари поклонятся ему. Не зря пятому дню посвящена широколиственная удумбара – дерево, из которого вырезают троны!

А ты, папа, что сулишь ты младенцам, имевшим счастье родиться под твоим знаком и в твой день? Да, и ты не поскупился: твой фаворит будет обладать дворцами, садами и землями, наделен любезным расположением духа, богат деньгами и зерном... Мало?! Бери еще, дитя! Греби обеими руками! Ты станешь кладезем духовных заслуг, все твои желания будут удовлетворены, и да сопутствуют тебе символы цветущего лотоса и древа-ашваттхи, растения мудрых!

Одно странно, папа: твои дары словно самой судьбой предназначены для брахманов. Мудрость, благожелательность, богатства и обилие Жара... Но каждый звездочет знает, что именно брахманам отказано в покровительстве славного Брихаса – ибо Наставник Богов скром и не желает возвеличивать собственную варну!

Одной рукой ты даешь, отец мой, другой же отнимаешь, причем отнимаешь у своих – как бы не заподозрили в пристрастности...

Не потому ли мне, твоему сыну, досталось в наследство лишь отцовское проклятие, да еще раскаленная игла любопытства? Где они, мои дворцы, сады и земли, где деньги и зерно, где любезное расположение духа?!

Пыль, прах, мираж...

Вайкунтха молчит, отдаваясь сновидениям, я спорю с тобой, папа, ожидая полночи, а внизу, в «Приюте Зловещих Мудрецов», в специально отведенных покоях, готовятся явиться в мир мои дворцы и сады, мое зерно и мое любезное расположение духа...

У тебя будет внук, Брихас.

Ты рад?

Он родится в мгновение, избранное мной и Опекуном Мира. В краткий миг на стыке дней Наставников, четвертого и пятого. Суры и Асуры благосклонно прищурятся с обеих сторон, и признаки высших варн сольются в одном человеке.

Ты рад, Брихас?

Семя мое не пропадет даром, наш род будет прославлен этим ребенком, сам Вишну простер над ним свою Опеку...

Ты рад, строгий отец мой?

Или ты проклял бы меня еще раз, узнай об этом?

Вайкунтха спит, и пальцы мои онемели...

2

14-й день 2-го лунного месяца,

Шукра-вара¹¹, перед рассветом.

¹¹ Шукра-вара – пятница, «День Венеры» (Шукра, т. е. Светлый – одно из имен Ушанаса, Наставника Асуров).

Наверное, не стоило писать всю эту дребедень: четырнадцатый день, месяц... Даже наверняка не стоило. Прошло всего несколько часов с того момента, как я бросил предыдущие записи и ринулся прочь, словно одержимый. Но иначе сейчас я не смог бы успокоиться. Вон, руки дрожат, и слова пляшут вперевалочку, как безумные пишачи вокруг падали, а палочка для письма скребет лист со звуком, от которого мороз продирает по коже и волосы на теле встают дыбом!

Все!... все, все, все... хватит.

Я должен.

Я, Жаворонок, проклятый отцом брахман, должен.

Да, наверное, это забавно смотрелось со стороны: когда я ворвался в родильные покои, трое апсар-повитух усталились на меня, как на привидение, и, не сговариваясь, приснули в рукава. Им смешно, райским подстилкам! – как же, потешный отец потешного ребенка, зачатого непорочно, без чрева женщины, собирается присутствовать при родах! Как трогательно! Всех дел-то: откинуть крышку ларца в назначенный час и извлечь дитя! Скрип крышки сойдет разом и за крики роженицы, и за финальный вздох облегчения... Много вы понимаете, красотки-пустосмешки! В другое время я и сам бы вам подхихикнул, а там, глядишь, и увлек бы всю вашу троицу в уголок поукромней, где б и подтвердил, что кругом рай раем, с какой стороны ни ущипни!

Прицикнув на апсар, я подошел к ларцу и благоговейно замер над ним. Это они, гологрудые апсары-повитухи, видели просто ларец, изукрашенный чудной резьбой, а мне-то виделось совсем иное... Сколько мантр было читано над искусственным чревом, сколько яджусов-закланий сложено с дрожью в голосе и восторгом в сердце; сколько крохотных огней возжигалось – и Южный Огонь Предков, и Восточный Огонь Надежды, и Западный Огонь Постоянства! Сам же ларец стоял, обратясь лицевой частью на север, в сторону жизни и процветания, туда, где с плеча седоглавого гиганта Химавата стекает Ганга, мать рек! Я и Опекун Мира на два голоса пели гимны, меняя слова местами где по наитию, где по древнему знанию суров и смертных, где согласно выверенным тайным канонам – и реальность плыла волнами, ларец разрастался, становясь величиной с ашрам лесного подвижника; светляки бродили по резной поверхности, вспыхивая рубинами, изумрудами, теплыми сапфирами и ледяными алмазами...

И я слышал краем уха, как Вишну-Даритель все чаще вплетает в тексты имени Аситы-Мрачного и Девола-Боговидца, перворожденных мудрецов, покровителей тьмы и волшбы.

Неясные видения проносились передо мной легким сонмом, двигаясь посолонь вокруг ларца: человекоподобные существа с трубчатыми хоботами слонов-уродов, шкатулки с чистым знанием, холодным и прозрачным, как родниковая вода, топленое масло с дурманящим ароматом и молоко небесной коровы Шамбалы, темная жидкость в коленях керамического бамбука... о, тайна оставалась тайной, но до чего же это было захватывающе! Опекун Мира становился мной, я – Вишну, Светочем Троицы, голоса наши и души наши окутывали легкими покрывалами призрачные мары, пеленали и вязали, и Я-Мы чувствовал, как сокровенная сущность непознаваемого впитывается в наш ларец, где дремал до поры зародыш, птенец чресел моих, будущий брахман-кшатрий, обладатель всех счастливых свойств!

Может быть, у меня родится бог?

Прокол сути наполнял сердце пламенем экстаза, и Трехмирие казалось песчинкой, затерянной в горах песка на берегу моря.

А потом голоса сипли, огни гасли, миражи уходили прочь... я переглядывался с Опекуном и покидал родильные покои.

До завтра.

...Откинув крышку ларца, я проморгался: слезы застили взор.

Тишина.

Только апсары-повитухи взволнованно сопят, выглядывая из-за моего плеча.

Он лежал на самом дне, уютно свернувшись клубочком и поджав колени к подбородку. Это очень напоминало позу зародыша, но в тот миг странная мысль промелькнула на самой окраине сознания: младенцы так не лежат!

Откуда она только взялась, эта мысль-злодейка?..

Некоторое время я разглядывал его, моего Дрону, Брахмана-из-Ларца. Маленький, очень маленький даже для новорожденного, даже для недоношенного; темный пушок вьется на крохотной головке, а тельце костлявое и даже какое-то узловатое, без обычной младенческой пухлости... тельце старичка.

И молчит.

Свет лампад со всех сторон обступил его, обитателя темноты, которая хранила плод до заветного часа; а он молчит, не плачет, не скулит, не требует вернуть уютный мрак и безмятежность...

Почему?

Дышит ли?

Жаворонок, ведь это твой птенец; твой и только твой!

Сейчас я понимаю, что был дураком. Сердце успокоилось, и кровь жаром растекается по лицу от стыда: боги, как глупо я вел себя тогда, не дав апсарам осторожно извлечь дитя из ларца!

Я выхватил его сам. Выхватил не как сына, не как беспомощного младенца, а скорее как кузнец выхватывает из огня заготовку клинка, когда будущий меч ведет себя иначе, чем многие его предшественники.

Даже не обратил впопыхах внимания, что освященная жидкость, которой до сих пор был наполнен ларец, куда-то делась, и лишь кожа маленького Дроны блестела, подобно коже борца, смазанной кунжутным маслом.

Ладони обожгло.

Ребенок оказался ужасно тяжелым и горячим, будто и впрямь был создан из раскаленного железа; а еще он был скользким, как речной махсир-темноспинка.

Я не удержал Дрону.

Пальцы разжались, их исковеркала болезненная судорога, и почти сразу что-то случилось со Временем. Наверное, голубоглазая Кала ради забавы шлепнула пригоршню жидкой глины на трещину в своем кувшине. Капли-минуты удивленно перестали сочиться, размывая густую преграду; и я мог только стоять с растопыренными руками, слыша над ухом тройной вскрик апсар, длящийся вечность.

Я никогда не был в аду, но сейчас ощутил – каково это.

Младенец падал спиной вниз, мимо ларца. Вот он завис в воздухе, затылком над краем столешницы, и предвиденье опалило меня до глубины души: сухой удар, хруст, трупик на полу и гневно-изумленный взор... нет, не Опекуна Мира.

Я видел твои глаза, Наставник Брихас, самец кукушки, строгий отец мой.

Твое проклятие настигло непутевого сына?

Да?!

Первая капля просочилась наружу, и крохотное тельце двинулось от рождения к смерти.

3

А потом мы долго стояли и слушали громкий, требовательный плач новорожденного Брахмана-из-Ларца.

Боясь поднять его с пола на руки.

– Он будет мне сниться,— тихо сказала одна из апсар.

И заплакала.

Я кивнул. Мне теперь тоже будет сниться один и тот же сон: беспомощный младенец, похожий на старичка, диким котом изворачивается в воздухе, чудом минуя край стола, и приземляется на все четыре конечности – чтобы мягко перекатиться на правый бок и лишь потом закричать.

Почти членораздельно.

Глава вторая

ЛЮБИ МЕНЯ БОЛЬШЕ ВСЕХ

1

Дневник Жаворонка,

9-й день 8-го лунного месяца,

Будха-вара¹², полдень.

– Ты слышал последние новости? – спросил меня Шарадван.

Я пожал плечами, наполняя чаши медовым напитком с примесью настоя корицы.

В беседке царила прохлада, клумба цветущих гиацинтов напротив радовала глаз, а у самого входа на ветках карникары распускались белые венчики, которые испокон веку сравнивались поэтами с бесплодной женщиной, ибо при всей своей прелести цветы карникары не источали аромата.

Совсем.

– Хастинапурского регента, Гангею Грозного, знаешь?

Я еще раз пожал плечами. Дескать, в лицо видеть не довелось, а так: кто ж не знает Грозного?

Слава мирская что перекаати-поле; везде побывает, повсюду докатится...

– С учителем своим он схлестнулся,— продолжил Шарадван с неуклюжей бесстрастностью, которая могла обмануть разве что мертвого.— Где ж это видано?! – на собственного Гуру руку поднял! Из-за бабы. Учитель говорит: «Опозорил, ославил, ворюга-похититель, теперь женись как положено!», а регент ни в какую. Обет, мол, дал, обета не нарушу. Нашла коса на камень. В Безначалье дрались, с личного позволения Мировдержцев. Жаль, я раньше не узнал – а то хоть одним глазком бы глянуть...

– Кто победил? – я отхлебнул медвянки и еще подумал, что мне абсолютно неинтересно, кто победил.

¹² Будха-вара – среда, «День Меркурия»; 8-й лунный месяц: 22 октября – 22 ноября.

– Грозный и победил. Вчистую. Представляешь, Жаворонок: стоит Грозный в Безначалье, доспех под солнцем пламенеет, белый плащ по ветру, Миродержцы со свитами в ладоши плещут, «Превосходно!» кричат, а учитель Гангеи, сам Рама-с-Топором, почетный обход вокруг него свершает! Эх, что тут...

Шарадван резко оборвал сам себя и с жадностью приник к чаше. Когда он наконец поставил ее на край самшитового столика, чаша оказалась пуста.

Создавалось впечатление, что мой собеседник только что тщетно пытался залить холодным напитком пожар, бушевавший в душе.

Он смотрел в пол беседки, а я смотрел на Шарадвана и думал, что у каждого из нас есть своя раскаленная игла в сердце.

И не вытащить.

Шарадван попал в «Приют...» месяцев на пять-шесть раньше меня. Огромный, мосластый, дико волосатый, он всухую брил голову на рассвете и закате, ел за троих, ругался на пяти языках и восьми наречиях, особо предпочитая заковыристые проклятия горцев-нишадов; и на потомственного брахмана из прекрасной семьи походил примерно так же, как я на Ганешу-Слоноглавца.

Хобот прилепить, уши оттянуть, и вылитый Ганеша...

Когда я в первый раз увидел Шарадвана, он бесцеремонно огрел меня пятерней-кувалдой по плечу, отчего я присел и охнул, а после оскалил зубастую пасть и поинтересовался во всеуслышанье:

– Жрать будешь, толстяк? Небось, оголодал с дорожки?

И благим матом заорал на всю Вайкунтху:

– Эй, бездельники, дайте этому... как тебя, новенький?.. ага, дайте Жаворонку поклевать! Живо!

Ракшасы-охранники боялись Шарадвана пуще своего начальника Десятиглавца и ни за что не соглашались на провокационное предложение сойтись с ним на кулачках.

На таких кулачках, как у нашего приятеля, я бы тоже не согласился.

За все коврижки мира.

Родившись в семье тишайшего мудреца, чей ашрам стоял на самом крайнем юге, в излучине реки Кавери, Шарадван якобы умудрился появиться на свет с луком и стрелами в руках. Во всяком случае, так о нем рассказывали, и он не только не возражал, но и всячески поощрял подобные байки. Количество стрел и длина лука росли с каждым новым изложением, а Шарадван лишь похохатывал и довольно жмурился весенним леопардом. Особенно ему нравилась фраза, кочующая из пересказа в пересказ: «Насколько ум достойного Шарадвана был направлен на изучение военной науки, настолько его ум не был рожден для изучения Вед».

Я плохо понимал, как можно вылезти из материнского чрева в обнимку с луком; кроме того, в случае правдивости сей истории я очень сочувствовал маме нашего богатыря, – но утверждение насчет направленности Шарадванова ума полностью соответствовало истине.

Уже позднее, ближе сойдясь с удивительным брахманом, я выяснил: зверообразность моего нового приятеля во многом была личиной. Знал он Веды, не то чтоб досконально, но знал, и все восемнадцать сказаний о древности тоже худо-бедно выучил; а при случае и любой обряд мог провести не хуже прочих. Особо предпочитая моления, которые брахманская молодежь в шутку прозвала «Телячьими Нежностями»: Ход Коров-Лучей, Коровушкин Дар и Госаву¹³-однодневку. Не знаю уж, из каких соображений, но скорей всего просто в связи с душевной склонностью.

¹³ Госава – однодневное приношение сомы, участникам которого положено вести «коровий» образ жизни и совершать омовения коровьей или бычьей мочой, как очистительным средством; в частности, обряд санкционирует инцест.

Просто где-то вверху или внизу, накануне Шарадванова рожденья, произошла ошибочка, и в семействе брахмана появился ребенок с прекрасными задатками кшатрия.

Бывает.

И не впервые.

С этого момента Шарадван стал мне изрядно интересен – как прообраз моего собственного замысла; да и благосклонность Опекуна Мира к мудрецу-задире стала более понятной. Да, мудрецу, я не оговорился: сам я мало что смыслю в Веде Лука, но Шарадван несомненно был знатоком этого замечательного Писания, чуть ли не единственного, где практика существенно важнее теории.

Он мог часами рассуждать о четырех видах оружия – метательном, неметательном, метаемом с возвращением и метаемом с мантрой; вопрос о наилучшем из шести видов войск мог вырвать Шарадвана из объятий апсары, а попросив его рассказать о воинских подразделениях и численности каждого, ты становился другом навеки.

Прошло больше полугода, прежде чем мне стало окончательно ясно: беднягу-Шарадвана издавна мучит зависть, точит, выгрызает сердцевину, как червяк в орехе. Волей судьбы он родился брахманом-воином, но все вокруг говорили лишь об одном брахмане-воине. Он потратил годы на изучение воинской науки, но его подвиги никого не интересовали, потому что среди смертных уже имелся наилучший мастер Веды Лука и Астро-Видьи; а Шарадван мог в лучшем случае стать вторым.

Пока на земле жил Рама-с-Топором, Палач Кшатры, любимец Синешеего Шивы, у Шарадвана не было ни единого шанса вырваться вперед.

Разве что сразив соперника в поединке.

Последнее исключалось: оба по рождению были чистокровными брахманами. А Закон не позволял схваток между членами варны жрецов ни при каких обстоятельствах, кроме защиты собственной жизни.

Иначе – живи чандалой-псоядцем дюжину рождений; и это еще лучший вариант.

– Я однажды явился к нему, – как-то признался мне Шарадван, когда мы опустошили полтора кувшина с крепкой сурой. – Понимал, что зря, что дурость, а ноги сами несли...

– К Раме? – глупо спросил я. – В ученики просился?

– Нет.

– Неужто на бой вызвал?!

– Ну... нет.

– А тогда что?

– В «Смерть Раджи» предложил сыграть.

– Проиграл?

– Проиграл. В пух и прах. Сначала на двадцать восьмом ходу, потом на тридцать втором.

– А дальше?

– Что дальше, Жаворонок? Дальше я ушел... домой. Мама рада была, отец рад... Наливай, что ли?

Я налил, и мы стали говорить о пустяках.

А когда у меня родился Дрона, Опекун Мира раскрыл мне тайну: я был не единственным, кто пытался искусственно вырастить младенца с идеальными задатками обеих высших варн.

Я был даже не первым.

Еще когда до рождения Дроны, маленького Брахмана-из-Ларца, оставалось четыре месяца, у Шарадвана при точно таких же обстоятельствах родились дети. Здесь, в Вайкунтхе, в «Приюте Зловещих Мудрецов», под бдительным присмотром Опекуна Мира. Увы, вышла неувязочка: то ли мантр недопели, то ли Вишну недосмотрел, то ли сам Шарадван что-то напутал впопыхах – короче, вместо одного родились двое.

Вместо мальчика – мальчик и девочка.

Близнецы.

– Опекун чуть не взбесился, – криво улыбаясь, рассказывал мне Шарадван. – Кричал, что это его проклятие, что вечно у него лишние люди получают, из какого дерьма не лепи! Потом Вишну стал бегать по покоям и орать про загадочную дуру-рыбачку, из-за которой все пошло прахом... Что за рыбачка, спрашиваю? – а он в меня шкатулкой запустил. В голову. Я шкатулку поймал, стою, как дурак – швырять обратно или лучше не надо, бог все-таки, светоч Троицы! Короче, решил погодить. Смотрю: Опекун смеется. После успокоился, слезы вытер и ушел. «Пусть растут, – бросил с порога. – Посмотрим, как сложится... хотя и жалко.»

Чего именно было жалко хозяину Вайкунтхи, по сей день осталось загадкой, но малышей-близняшек по приказу Вишну назвали – Крипа и Крипи.

От слова «Жалость»; так сказать, Жалец и Жалица.

Шарадван пробовал было возражать, доказывал, что такие дурацкие имена в самый раз для сирот без роду-племени, а не для рожденных в райской обители. Он колотил в грудь кулачищем и угрожал покинуть «Приют...» вместе с детьми; но Вишну махнул на вопли гневного родителя рукой, а сам Шарадван долго сердиться не умел.

Вот и осталось: Крипа и Крипи, брат и сестра.

Я быстренько посчитал: выходило, что как раз после рождения Шарадвановых близняшек Опекун Мира заставил меня священнодействовать над ларцом-чревом трижды в день, когда до того мы встречались лишь утром и вечером.

И именно тогда Опекун вплеп в вязь мантр имена божественных мудрецов Аситы-Мрачного и Деволы-Боговидца.

А я, дурак, еще волновался: родится малыш, с кем он здесь, в раю, играть будет?

С апсарами?

Оказалось, было с кем...

2

– Пойдем, – вдруг приказал Шарадван, хлопая себя по лбу и поднимаясь.

– Куда?

Я лениво сморщил нос, демонстрируя явное нежелание тащиться куда бы то ни было в такую жару. И в сотый раз отметил: когда Шарадван садится и когда Шарадван встает – это два совершенно разных человека. Опускается грузная туша, плюхается горным оползнем, скамья или табурет содрогается в страхе, грозя рассыпаться под тяжестью махины; встает же завистник Рамы-с-Топором легко и пружинисто, словно разом сбросив половину веса, приобретя взамен сноровку матерого тигра.

Интересно, когда он притворяется – садясь или вставая?

Всегда?

– Давай, давай, Жаворонок! – Шарадван был неумолим, и чаша с медвянкой словно сама собой выпорхнула у меня из пальцев. – Летим, птичка, интересное покажу...

Он выглядел чуть-чуть навеселе, как если бы мы пили не безобидный медовый напиток, а гауду из сладкой патоки – что в полдень приравнялось к самоубийству. Даже в раю, даже во внешнем дворе «Приюта...». Нет уж, мы люди смиренные и даже смиренные, мы лучше возьмем-ка чашу заново и нальем...

Да куда он меня тащит?!

– Эй, приятель, я тебе что, куль с толокном? А ну, пусти сейчас же!

Все мои возражения наткнулись на гранитную стену Шарадванова молчания. Ручища размером с изрядный окорок ласково обняла меня за плечи, увлекая за собой почище удавки

Адского Князя – и мне оставалось только споро перебирать ногами и ругаться вполголоса, стараясь не прикусить собственный язык.

Вскоре мы оказались во внутреннем дворике, отведенном под детскую. Тут, в загородке из расщепленных стволов бамбука, тесно перевитых лианами-мадхави с гроздьями кремовых соцветий, резвились наши чада. Наши маленькие Брахманчики-из-Ларчиков. Наши замечательные Дрона, Крипа и Крипи, рыбки наши, телятки и кошечки наши, детки безматерные... нет, безмамины...

Тьфу ты пропасть! – похоже, приступ ложного опьянения у Шарадвана оказался заразным.

– Да зачем ты меня сюда приволок, Вира-Майна¹⁴?! – мы наконец остановились, и я смог возмутиться как положено, а не на бегу.

– Смотри, – коротко отрезал Шарадван, на всякий случай оставляя свою лапу на прежнем месте. – Я тебе еще вчера хотел показать, да забыл...

Чувствуя себя последним идиотом, я усталился на загородку.

А что, у меня был выбор?

Девочка, непредусмотренная замыслом Опекуна Мира, сидела в углу и игралась ониксовым фазанчиком-свистулькой. В горле фазанчика нежно булькало от каждого встряхивания, и Крипи визжала от восторга, роняя игрушку в пыль. Единственное, что меня хоть как-то заинтересовало – пыль не приставала к свистулке, и девочка могла снова совать ее в рот без опаски подавиться и закашляться.

Небось, умники из свитских Опекуна расстарались!

Мальчики же вперевалочку бродили друг вокруг друга, вполголоса лепеча детскую несусицу. Я минуты три-четыре разглядывал их с законным умилением, после чего понимание взяло меня за шиворот и легонько встряхнуло.

Лапа Шарадвана была здесь абсолютно ни при чем.

– Пошел... – забормотал я, косясь попеременно то на мальчишек (сверху вниз), то на Шарадвана (снизу вверх). – Мой Дрона пошел! Ходит! Клянусь зеленой плешью Варуны, ходит!

– Еще со вчера, – буркнул Шарадван, сдерживая ухмылку. – Вместе пошли, твой и мой... Ну, Жаворонок, сообразил?

Я сообразил. Я очень даже сообразил; и почти сразу. Для этого не надо быть опытной мамашей, взрастившей дюжину голопузых чад. Если десятимесячному Крипе ходить рановато, но все-таки чудом это называть не стоит, то полугодовалому Дроне... Вместе, значит, пошли?!

– Опекуну докладывал?

– Не-а, – в рыке Шарадвана проскользнула смутная растерянность. – Сперва тебе решил. Эх ты, птица-Жаворонок, слепыш полуденный, смотришь и не видишь... Ну, разуй глаза, приглядись!

Я честно пригляделся.

Мальчики ходили, как обычно ходят все маленькие дети, но при этом слегка со странностями. Вон, мой Дрона ковыляет себе вперевалочку, а ноги расставлены так широко, что вообще непонятно: почему он не валится на спину при первом же шаге? А он не валится, он бродит вокруг своего старшего приятеля, надувая щеки – и вдруг припадает то на одну, то на другую ножку; или вообще скакнет бодливым теленком и руками перед собой машет. Я тихо засмеялся, видя сыновние шалости, и отметил про себя ту же повадку за Шарадвановым мальцом. Его Крипа повторял выходки моего сына одну за другой, а потом вдруг заплакал и начал прыгать на левой ноге, рыдая все горше и горше.

¹⁴ Вира-Майна – в телохранилах у Шивы-Разрушителя числились два великана, одного из которых звали Вира, а второго – Майна.

От крытого павильона к детям бросилась апсара-нянька. Она мигом оказалась в загородке, и вскоре вся троица детей столпилась вокруг райской красавицы, играя в какую-то незнакомую мне игру.

– Ну? – спросил Шарадван.

Чего он ждал от меня? Я пожал плечами (в привычку входит, что ли?) и демонстративно уставился на собрата по «Приюту...».

– Это десять позиций для стрельбы из «Маха-дханур», большого лука, – тихо сказал Шарадван, глядя мимо меня. – Дханур-Веда, раздел «Основы», главы со второй по седьмую. Рисунки с пояснениями. Смотри, Жаворонок...

Он вдруг свел ладони передо лбом, словно приветствуя царя или наставника, потом легко взмахнул руками, как журавль крыльями, и шагнул вперед. Грузное тело Шарадвана превратилось в надутый воздухом пузырь... в ствол гималайского кедра... метнулось хохлатой ласточкой, растеклось вязкой смолой, затвердело куском нефрита... И руки: даже мне, непосвященному, было отчетливо видно, как Шарадван хватает огромный лук, натягивает тетиву, стрелы одна за другой упираются выемками в витые жилы, потоком срываются в воздух и летят, летят, пока руки Шарадвана продолжают вечный и прекрасный танец!

Я моргнул; и все кончилось.

Шарадван стоял передо мной, грустно улыбаясь.

– Три года учился, – ровным голосом сообщил он, будто не скакал только что диким зверем, а по-прежнему сидел на скамье в беседке. – Каждый день, с утра до вечера. А вчера пришел сюда, на детишек гляжу – и вдруг скучно стало. Дай, думаю, вспомню молодость. Танцую, весь десяток трижды крутанул, закончил, а они на меня смотрят. Игрушки бросили, молчат и смотрят. Все, даже девчонка. И я на них смотрю, дурак дураком. А потом уходить собрался, от калитки глянул через плечо: встали. Сперва твой Дрона, за ним – мои. И зашагали. Да не просто зашагали... Дошло, птица-Жаворонок?!

Вместо ответа я подошел к загородке, знаком отослал апсару-няньку в сторонку и хлопнул в ладоши. Дети гурьбой подползли ко мне на четвереньках – видимо, ходить им уже надоело. Я высоко поднял чашу, которую, как выяснилось, машинально захватил с собой, привлекая внимание малышей и грохнул сосудом оземь. Затем поднял пригоршню черепков и высыпал к детям, через бортик загородки.

– Порежутся! – обеспокоенно вскрикнула нянька, но я предупреждающе махнул на нее рукой.

Не лезь, когда не просят!

Секундой позже я подбежал к апсаре, отобрал у нее куколку-голыша и, вернувшись, швырнул игрушку вслед за черепками.

За моей спиной гулко дышал подошедший Шарадван. Будто его знание Веды Лука только сейчас сказалось на глотке, заставив ее хрипеть и клокотать.

– Птица... – бормотнул он и осекся. – Птица-Жаворонок... ведь это...

Я молчал и наблюдал, как трое детей увлеченно раскладывают черепки, смешивая песок с собственным потом и остатками медвянки, делают лепешки и складывают по одной в каждый черепок; а малыш-Дрона шустро отползает в сторонку, подбирает куколку и кладет ее в центр... свастики.

Если провести воображаемые линии между черепками, получалась именно свастика.

– Птица-Жаворонок! Ведь это же... Восьмичашье!

– Ты прав, мой большой друг, – не оборачиваясь, подтвердил я. – Ты прав, мой замечательный брахман. Это именно Восьмичашье. Обряд Ашта-Капала, дарение погребальному огню рисовых лепешек в черепках от разбитого жертвенного сосуда. Я тебе тоже вчера хотел сказать, да забыл...

Апсара бестолково моргала, переводя взгляд с троих играющих малышей на двух взрослых мужчин.

Которые хохотали неистово, захлеб, как умеют лишь дети.

– Ваш мальчик, – смущаясь, тихо сказала апсара, – ваш Дрона... вы знаете, он никогда не плачет.

– Да? – я вытер слезы, пропустив мимо ушей слова апсары и их скрытый смысл, если он там был. – Пускай смеется! Жить надо весело, красавица!

– Нет, великий мудрец, – покачала головой апсара. – Он не смеется. Я полагала, вы должны знать...

Рядом охнул Шарадван.

3

20-й день 9-го лунного месяца,

Мангала-вара¹⁵, ночь.

Не спится... верней, не спалось.

Конечно, я просто-напросто путаю времена. Сажу на балконе, думаю непонятно о чем, пишу же о событиях получасовой давности, об одной из самых странных ночей своей жизни...

Кстати, я жив?

Смешной вопрос для толстого самонадеянного брахмана. Для Зловещего Мудреца из райских садов Вайкунтхи... Смейся, Жаворонок! Разевай рот, издавай утробные звуки, сотрясайся телом! Интересно, почему точное описание смеха вызывает скорее тошноту, чем веселье?

Впрочем, я отвлекся. Рассеян, мысли мечутся весенними белками, скачут с одной ветки на другую. Времена путают, дуры! Вчера, сегодня, послезавтра, год назад...

Когда?

Сегодня, например, я во власти хандры. С самого утра. Весь день. И вечер. И ночь. На душе пасмурно, прежние цели воняют падалью, бывшее скалится ухмылкой черепа, и все правильное вывернуто наизнанку. А изнанка-то у правильного... глаза б не глядели.

Ну, ты, друг мой Жаворонок, сам не знаешь, чего хочешь! То смеяться собрался, то хандришь, то прошлое с настоящим путаешь... то в реальности собственной жизни сомневаешься.

Истинные мудрецы – это дураки; они все знают наверняка.

* * *

– Решился? – спросил меня Опекун Мира, и тонкие губы бога искривила улыбка.

¹⁵ Мангала-вара – вторник, «День Марса»; 9-й лунный месяц: 22 ноября – 22 декабря.

В ту пору я жил в низовьях Ганги, прибившись к обители троих отшельников-шептунов. Мне было плохо, мне было хуже некуда, гневные слова отца преследовали меня по пятам, как ловчие соколы; и я молил всех небожителей разом о безумии! Ладно, что попусту ворошить сырой пепел... Шептуны в одеждах из антилопых шкур вылечили меня. Раньше я всегда поражался их наивному убеждению: будто бессмысленное (точнее, неосознанное, машинальное) бормотание мантр и молитв способно затмить собой результаты аскезы или честного выполнения долга. А тут и сам начал... забормотал. Знакомые слова, если произносить их, не вдумываясь, сперва истошно вызывают к спящему сознанию, надеясь на отклик. После они понимают тщету своих воплей, превращаются в некое подобие музыки, разумная мудрость уходит из них напрочь, и ты сливаешься уже не со смыслом, а с ритмом и мелодией... ты бормочешь, звуки обступают тебя со всех сторон, рождая не мысли и раздумья, а чувства и ощущения – боги, к вечеру боль отступала, чтобы назавтра проснуться с явной неохотой!

Именно у шептунов мне пришла в голову идея смешения достоинств высших варн. В одном человеке. Не случайно, как это иногда происходило, а целенаправленно. Почему бы и нет?! Говорят, в Златом Веке не было варн. Совсем. Поскольку, в отличие от наших гиблых времен, из Любви, Закона и Пользы первой считалась Любовь. Зачем делить – если Любовь? Зачем отдельно – если Любовь?! Зачем...

Звездочеты с надеждой ждут часа, когда Сом-Месяц, Лучистый Сурья и мой отец¹⁶ вкупе с созвездием Кормилицы сойдутся под крышей одного дома Зодиака – дескать, тогда снова придет Златой Век!

Разбираясь во многом, от святых гимнов до лекарского дела, я всегда был равнодушен к светилам. Сойдутся? – возможно... или невозможно. Наступит? – пожалуй... или не наступит.

Но ждать, уставясь в небо, я никогда не умел.

А через полтора года, когда безумная идея оформилась догадками и определенными соображениями, перестав быть столь уж безумной, ко мне пришел Опекун Мира.

Пешком.

Во всяком случае, именно так он явился к моему костру.

Высокая корона-конус, серьги с крупными сапфирами-"синебрюшками" оттягивают мочки ушей, глаза полуприкрыты, обнаженное тело танцора, подвески пояса звенят крохотными гонгами; и гирлянда голубых лилий, редчайших на земле цветов, свисает почти до колен...

Ипостась «Наделения благами».

Хрустальная мечта наивных учеников-брахмачаринов: вот приедет Вишну, будет всем нам благо, реки простокваши, райские пределы...

– Решился? – безо всяких предисловий спросил Опекун и поднес к лицу желтый лотос, который держал в правой руке.

Теперь, когда я вспоминаю все это, последняя деталь неизменно раздражает: воняло от меня, что ли, если он цветочки нюхать вздумал?!

Может, и воняло... забыл.

– Да, – я знал, о чем идет речь. И мало интересовался: откуда про мои тайные замыслы проведал Вишну-Даритель, светоч Троицы?

Поживите с мое у шептунов, угробьте собственного сына во имя знания, заставьте любящего отца проклясть вас – любопытство как рукой снимет!

¹⁶ Брихас, Наставник Богов, является олицетворением и покровителем планеты Юпитер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.